

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

6

1946

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 6

Июнь 1946 года

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Церковная жизнь

ПОЕЗДКА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ В БОЛГАРИЮ

В нынешнем году исполняется 1000 лет со дня кончины Преподобного Иоанна Рыльского, великого святого, чтимого всей Болгарской Церковью и болгарским народом, мощи которого открыто почивают в Рыльском монастыре в Болгарии. Начало торжественного празднования этого события было приурочено ко времени посещения Болгарии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием, который по приглашению Блаженнейшего Стефана, Митрополита Софийского, Экзарха Болгарского, и прибыл в Софию 20 мая с. г. в сопровождении с Митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием и другими духовными лицами.

Вылетев из Москвы в 12 ч. дня 20 мая, мы приземлились в Софии в 7 час. вечера. На аэродроме «Враждебно» Его Святейшество был встречен Блаженнейшим Экзархом Стефаном со всеми членами Святейшего Синода, епископами Болгарской Церкви и всем столичным духовенством, профессорами богословского факультета, ректором, преподавателями и учениками Софийской духовной семинарии. Здесь же были: члены Правительства во главе с министром иностранных дел и исповеданий г. Г. Кулишевым и откомандированный к особе Его Святейшества директор исповеданий, полномочный министр г. д-р К. Сарафов, представители Регентского Совета во главе с генералом Недялковым, представители Президиума Народного собрания, Секретариат Национального Комитета Отечественного фронта во главе с главным секретарем г-жой Цолой-Драгойчевой, столичный городской голова, представители Академии наук, советско-болгарского содружества, союза православных братств в Болгарии и других культурно-просветительных и благотворительных организаций. От Советского Посольства был секретарь Г. П. Шнюков.

Встреча была самая сердечная. После представления официальных лиц Святейший Патриарх со свитой направился в отведенную ему резиденцию, передав для опубликования следующее свое приветственное обращение:

«Я счастлив вступить на землю братской Болгарии. Она священна для вас, но и нам она родная, как хранящая в своих недрах драгоценный прах наших русских людей, положивших некогда жизнь свою за вашу свободу. Мы несем вам нашу братскую любовь и, что всего дороже и для вас и для нас — благословение Русской Церкви болгарскому народу. Уверен, что это наше посещение вашей прекрасной страны и общение с возлюбленным предстоятелем Болгарской Церкви, Блаженнейшим Экзархом Митрополитом Стефаном, с духовенством и ве-

рующим народом еще более укрепят узы дружбы, связующей наши народы. Сердечный привет братской Болгарии.

Алексий, Патриарх Московский и всея Руси».

21 мая, в первый день пребывания Святейшего Патриарха в Софии, в газете «Изгрев» (Восход) была помещена передовая статья «Высокий гость».

«Болгарский народ принимает высокого, почетного гостя Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси. Исполнение Болгарской Православной Церкви, ее клир и верующие, радуются светлой, пасхальной радостью, о которой говорится и в обетованиях Спасителя (Иоан. 15, 11). Это радость встречи двух Сестер — Церквей в совершенной любви о Христе, ныне пирующей свой пир. Сердце православного болгарина объято ею и пламенеет ею. И наш высокий гость, как и сопровождающие его лица во главе с Высокопреосвященным Ленинградским Митрополитом Григорием, вторично делающим нам честь своим посещением; несомненно почувствуют и поймут всю ее силу, всю ее глубину и чистоту, и искренность.

Но не только с любовью встречаем мы почетного Гостя. Острым лезвием прорезает Господь землю старого мира, увы, не давшую ожидавшихся Им всходов. И совершенно верно то, что в это время хотя и безмерно труден, но особенно благословен труд сеяния семян Христовых, семян Новой жизни в духе. Мы слышали немало о подвиге святительского служения Церкви и всему русскому народу нынешнего Московского Патриарха, через которого Сам Христос и сеял, и сеет слово Свое и дух Свой в мире, так глубоко пережившем всю трагическую проблему вольного приятия и неприятия веры. И мы знаем, что к этому новому миру, что к душе нового человека ныне с вечной истиной обращается Русская Православная Церковь из глубины единственного в христианском мире, огромнейшего благодатного опыта, полученного на пути, которым ведет ее нынешний ее Патриарх, столь твердо и уверенно продолжающий линию своего приснопамятного предшественника и друга. Поэтому не только с пылающими любовью сердцами, но еще и изумленные, и зачарованные красотой подвига, стяжавшего этот драгоценный опыт, стоим мы, встречая главу великой Русской Церкви.

В истории христианского мира начинается некий новый век. Конечно, он не имеет ничего общего ни с так называемым «новым христианством», ни с тем «социальным христианством», под знаком которого будто бы имеет намерение строиться современная западная цивилизация. Нет. Но новая эпоха бесспорно связана со всеобщим ныне стремлением к реальному осуществлению правды в отношениях между людьми, к осуществлению истинного духовного братства их, к действительному изменению мира, к реальному, а не символичному, просветлению и преображению его в Духе.

В жизни Русской Православной Церкви этот период совершился. Русская Православная Церковь — и мы говорим уверенно и смело — одна только она во всем христианском мире обладает всей полнотой драгоценного опыта этого перехода. Опыта страшного, ибо он неизбежно связан с обвалами, с катастрофами, с мукой рождения Новой Жизни из недр глобальной духовной и молитвенной собранности. Но Новая Жизнь родилась, но новый век для Русской Церкви настал. И с ним великое очищение и просветление, и преображение.

Вместе со всем русским народом и вместе с Русской Православной Церковью мы ликуем о совершающемся таинстве прихода новой жиз-

ни, в которой и ищем, и чаем новых и истинных откровений. Ликуем о всем том светлом и добром, что совершается гением всего великого русского народа, прозорливой мудростью его Вождя и несравненным исповедничеством всей Церкви, во главе со Святейшим Алексием, ныне встречаемым нами с таким душевным волнением и с таким глубоким уважением.

Добро пожаловать, почетный, высокий, дорогой наш Гость».

На другой день во вторник 21 мая, в 11 ч. утра в величественном храме-памятнике во имя св. благоверного князя Александра Невского был совершен торжественный молебен по случаю приезда Его Святейшества.

На молебне присутствовали: г.г. Регенты В. Ганев и Т. Павлов, министры во главе с Председателем К. Георгиевым, Президиум Народного Собрания, Национальный Комитет Отечественного фронта, Управление столичной общины, все духовенство и масса народа.

После молебна Блаженнейший Экзарх Митрополит Стефан, обратился к Святейшему Патриарху со следующей приветственной речью:

«Сей день, его же сотвори Господь, возра-
дуемся и возвеселимся в оный» (Псал. 117, 24).

Ваше Святейшество!

Знаменательный, многообещающий, незабвенный нынешний день! Это не день, а целый век, эпоха в нашей жизни. За тысячулетнюю историю наших народов это — второй случай, что Первоиерарх великой Российской Церкви посещает нашу землю, нашу Церковь, наш народ. В восьмидесятых годах XIV века ее посетил Московский и всея Руси Митрополит Киприан. С неописуемым восторгом, глубокою любовью и славой был он встречен в тогдашнем престольном граде Велико Тырново нашим именитым и приснопамятным Патриархом Евтимием. Ныне, зело возлюбленный Святейший Владыко, мы встречаем Вас, нашего давножданного, дорогого и многочтимого гостя.

В этот момент перед моим мысленным взором в лицах и картинах проносится многовековая история наших Церквей и народов.

В 864-году равноапостольный царь Борис просветил св. крещением нашу землю. В лице его и его сына Симеона Господь дал Болгарской Церкви мощных и возвышенных покровителей, а в лице первоучителей словенских — Кирилла и Мефодия, их учеников Климента, Наума, Саввы, Горазда и Ангеллария и прочих бесчисленных учеников и продолжателей их дела — равноапостольных церковных деятелей. Благодаря тем и другим быстро вошла в силу, расцвела, прославилась Болгарская Церковь. Чрез основанную св. Климентом школу, которую называют первым славянским университетом, прошло несколько тысяч учеников, ставших потом пастырями и учителями, просветителями народа, проповедниками слова Божия на родном славянском языке. В X веке на Рыльских горах уже ярко горел великий светильник христианской православной веры и благочестия — Иоанн Рыльский; Болгария в этом веке в церковноучительном отношении уже не уступала ни Византии, ни Риму; все славянские народы прямо или косвенно были обязаны ей своим приобщением к Христовой вере и духовной культуре.

В конце X века князь Владимир и русский народ приняли христианскую веру. Болгария дала новопросвещенным и славянскую грамоту, и первых священников, учителей и разных книжных людей, и письменность, Кирилло-Мефодиевский славяно-болгарский перевод священных и церковно-богослужебных книг, славянскую книгу правил, разнообраз-

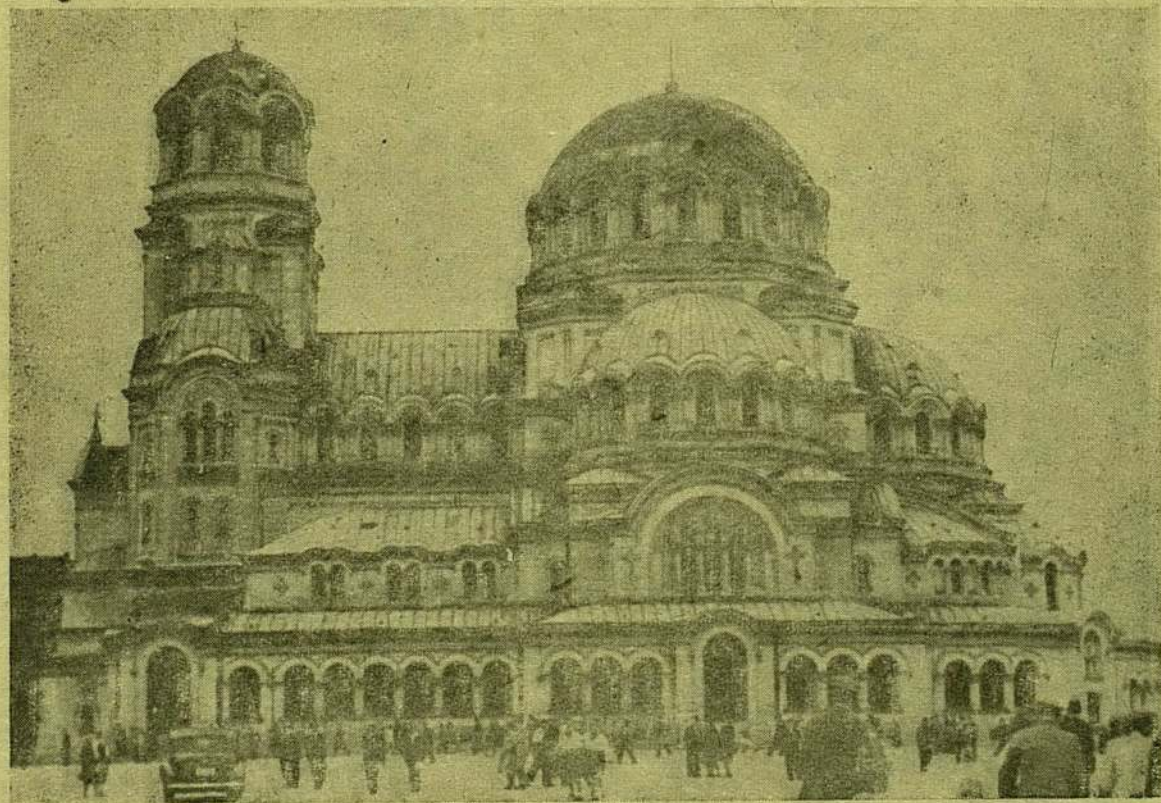
ную учительскую литературу. Некоторые из наших просвещенных людей, ушедши в Россию, достигали там высшего иерархического положения: «человек вельми книжный» Киприан занимал кафедры сначала Киевского, а потом Московского и всея Руси Митрополита, его племянник Григорий Цамблак был Киевским Митрополитом.

Таким образом, в то древнее время установилась тесная, неразрывная, благословенная связь между Вашею и нашею Церковью, между Вашим и нашим народом.

XIV век для Вашей Родины и Церкви был началом их будущей славы. В этом веке князь Димитрий Донской на Куликовом поле доказал, что сломима сила злых поработителей — татар. В том же веке Московскую и всея Руси Митрополицию кафедру занимали прославленные предшественники Вашего Святейшества, святители-патриоты Петр и Алексий, а в основанной им недалеко от Москвы обители подвизался величайший русский праведник и народолюбец, Преподобный Сергей Радонежский. Для нас же в XIV веке настала пора гнета, насилий, рабства. В 1393 г. пало наше царство, Церковь наша лишилась самостоятельности, великий наш Патриарх Евтимий, пред праведностью и мудростью которого преклонялся весь православный мир, закончил свою святую жизнь в изгнании, мученической смертью. Окруженные врагами, не находившие вблизи друзей, предки наши тогда устремили свои взоры на Русь Святую, которая, как тогда, так и во все последующее время представлялась им неким небесноземным градом, где неудержимо текут обильные токи Божией благодати, где процветает высокое благочестие и неистощимо проявляется любовь христианская, где Церковь служит столпом и утверждением истины для всего православного мира. В Россию они верили и уверенно ждали, что именно от России придет спасение Болгарской земли. И не была тщетной их вера, ни напрасной их надежда. «Мерою полной, утраченной, нагнетенной и переполненной» отсыпала нам (Лк. 6, 38) Святая Русь за прежде сделанное ей добро. И духовная и материальная помощь разными путями и многообразными струями не переставала притекать к нам из русской земли: снабжались наши храмы и монастыри священными, богослужебными и учительными книгами, иконами, богослужебными облачениями и сосудами; бедствующему населению присылались деньги и разное добро; двери русских учебных заведений, в особенности духовных, всегда оставались открытыми для бесплатного воспитания и образования нашего юношества, — большинство наших архипастырей и богословов вышли из русских школ. А Русская Церковь чрез своих архипастырей, пастырей и верующих сынов не переставала готовить свой народ к освободительному подвигу, который и совершила в 1877—1878 гг. доблестная Русская Армия.

В 1872 г. новому испытанию подверглась наша Церковь — на нее была наложена схизма. Схизма затрудняла, тяготила, удручала нас. Российская Церковь и в этом случае пришла к нам на помощь. Именно Вы, Ваше Святейшество, своим сердечным, энергичным и мудрым участием, нашедшим живой отклик в христиански любвеобильном, благородном сердце Святейшего Вселенского Патриарха Вениамина и его Синода, помогли быстро, безболезненно и достойно разрешиться этому скорбному делу. Вечная память достойнейшему Вселенскому Патриарху Вениамину!

И до схизмы и во время схизмы наша Церковь оставалась неизменно верною Единой Вселенской Христовой Церкви и преданною Вашей Церкви и Вашему народу. В недавнюю пору ниспосланных Господом Вашей Церкви испытаний, невзгод и печалей злорадствовали зарубеж-

Александрo-Невский кафедральный собор в Софии (Болгария)

ные враги и лжебратия, предрекавшие близкий закат Русской славы, а мы скорбели Вашими печальми, молились и верили, что Ваши скорби сменяются радостями, что за Вашей Голгофой последует воскресение. Наша вера не обманула нас. Виденное нами в Москве, Ленинграде, Киеве напомнило нам первый век христианской эры, когда, по свидетельству писателя книги Деяний свв. Апостолов, «у множества уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32). Там, в Ваших храмах мы были потрясены силой веры и восторгом любви к Господу, пред которыми не могут не раскрываться небеса, чтобы благодать Божия сходила на молящихся, а чрез них и на весь мир. Там мы воочию убедились, что жив на Руси Бог, жива там Христова вера, что очищенная, обновленная, возвышенная в искушениях и страданиях Русская Церковь сможет выполнить великую, спасительную миссию, необходимую не только для славянства, но и для всего духовно одряхлевшего мира.

Чудо ли совершилось с Вашей Церковью? Не чудо совершилось, а в происшедшем еще раз проявилась слава Божия, осуществилась правда, открылась истина, что хранит Господь верных Своих (Псал. 30, 24), что всегда бодрствует вечный наш Пастыреначальник Христос Спаситель, никогда не выпускающий из рук Своих церковно-корабельного руля, что в свое время выдвигает Он нужных для Церкви, сильных умом, мощных духом, пламенных сердцем деятелей и не допускает, чтобы в буре погиб или о подводные скалы разбился церковный корабль. И ныне мы от избытка одушевляющих нас чувств приветствуем Вашу Церковь словами пасхальной песни: «Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе воссия»!

Ваше Святейшество! В нынешний день радость наша безгранична. Ведь в Вашем лице мы встречаем не только Первоиерарха величайшей и самой близкой нам Церкви, но и избранного Господом святителя. Вы ведь в годину страшных испытаний явили высокий пример истинного архипастыря, делившего со своею паствой все труды, лишения и опасности, всегда готового положить душу свою за други своя. Будучи ближайшим сотрудником великого приснопамятного Патриарха Сергия, Вы совместно с ним и другими сподвижниками своим высоким пониманием церковного долга и самоотверженным служением растопили лед в отношениях Советской Власти к Вашей Церкви. Приняв патриарший жезл, Вы прониклись высокой идеей — достичь близкого единения всех Православных церквей, не формального только, выражающегося в согласии исповедания веры и официальных сношениях предстоятелей этих Церквей, но и реального, живого и действенного. И эту идею Вы тотчас же начали настойчиво проводить в жизнь. Ваши посещения Восточных Патриархов, как и поездки Ваших представителей, Ваше при бытие к нам подтверждает это.

Но мы в Вашем посещении нашей страны видим, кроме того, знак особой любви к нашей Церкви и к нашему народу, Ваше желание связать наши Церкви еще более тесными узами Христовой любви и братства для плодотворного сотрудничества во славу Божию, для счастья наших народов, на благо человечества.

Встречая Ваше Святейшество в этом величественном храме-памятнике беспримерного в истории подвига христолюбивого Русского народа, Русской любви к страждущему брату, Русского самопожертвования, я смело свидетельствую, что управляющий судьбами народов Господь неразрывными, вечными узами связал Русский и Болгарский народы.

Да будет же благословен Ваш к нам приход! Да благоденствует и

преуспеваает Ваша Святая Церковь! Да процветает Ваша великая Родина! Да крепнет братство наших народов!

На многая, многая лета, Святейший Владыко!

Его Святейшество благодарил Блаженнейшего Экзарха и поднес ему икону Божией Матери Иверской.

«Благодарю Вас, Владыко,—сказал Святейший Патриарх,—за Ваше теплое и сердечное приветствие. Вы так мудро и выразительно нарисовали картину отношений Русского и Болгарского народов от самого начала их возникновения до сегодняшнего дня. Русская Церковь никогда не нарушит их и не забудет, что ее первоучителями и наставниками в православной вере были славянские первоучители и просветители свв. братья Кирилл и Мефодий. Эти святые Божие угодники высокопочитаемы и в нашей Русской Церкви, которая постоянно поминает их в своих молитвах. Ваше приветствие, как приветствие церковное, не есть только выражение одного внешнего формального долга, но есть выражение подлинной христианской любви, выражение благословения Церкви. Как Ваша Болгарская Церковь благословляет нашу Церковь и свидетельствует о своей искренней любви к ней, так и наша Русская Православная Церковь объемлет весь болгарский народ своею любовью и благословляет Болгарскую Церковь, которой желает преуспевания, мира и славы. Я сам полон радости, что коснулся священной болгарской земли, которая хранит в своих недрах драгоценный прах многих русских погибших сынов, положивших свою жизнь за свободу болгарского народа. Я радуюсь, что первое моление совершил в этом историческом храме, который является символом и знамением величия и славы Болгарской Православной Церкви. Приветствуя Вас, возлюбленный святейший Владыко, и в Вашем лице всю Болгарскую Православную Церковь и болгарский народ, я прошу принять, как благословение от нас, эту св. икону Царицы Небесной, именуемую Иверской, — нашу великую святыню, которая да сохранит Ваш народ и Вашу Церковь от всякого зла, которая да умолит Сына Своего и Бога нашего, чтобы Он дал славу Болгарской Церкви и всему славянскому миру. Еще раз благодарю Вас, Владыко, за Ваше приветствие и желаю счастья Вашей стране и преуспевания Болгарской Православной Церкви».

Затем Блаженнейший Экзарх представил Святейшему Патриарху официальных лиц, присутствовавших в соборе.

Из храма-памятника Его Святейшество прошел в старинный храм Св. Софии (IV века), где местное духовенство также приветствовало его.

После этого Святейший Патриарх с Митрополитом Григорием были приняты Регентским Советом (гг. Регенты — Ганев, Павлов и Бобашевский), а затем посетили посланника СССР С. П. Кирсанова.

В 2 часа дня состоялся официальный обед у Блаженнейшего Экзарха, где присутствовали, кроме всех архиереев, гг. Регенты, Министр-председатель, Советская дипломатическая и военная миссия. За обедом Блаженнейший Экзарх и Святейший Патриарх обменялись сердечными тостами.

После обеда, в 5 час. дня, Его Святейшество посетил Кафедральный собор «св. Недели» (Кириакии) и исторический храм (в катакомбном положении) — «св. Параскевы». В это время Митрополит Григорий совершил всенощное бдение в русском храме во имя св. Николая.

22 мая, в среду, в день памяти Святителя Николая, Святейший Патриарх совершил литургию в русском храме во имя Св. Николая в сослужении с Митрополитом Григорием и Архиепископом Серафимом, управляющим русскими приходами в Болгарии. После Литургии, пред

молебном архиепископ Серафим приветствовал Святейшего Патриарха речью с поднесением Св. иконы Божией Матери «Умиления». Он говорил:

«Ваше Святейшество, возлюбленный о Христе Святейший Владыко!

Приветствую Вас с прибытием к новой, присоединившейся к Вам пастве, проживающей в Болгарии. Двадцать пять лет мы были в разобщении с матерью нашей, Церковью Российской. Но это разобщение было чисто внешним явлением, ибо в сердцах наших было полное единение с вами, со всеми братьями нашей Родины, с теми, которые признают Патриаршую Церковь в России.

С нами было то, что наблюдается на поверхности и в глубине океана. На поверхности его от внешних и случайных причин бывают различные течения, а в глубине океана идет, всегда и неизменно одно течение.

Так в глубине нашего существа, в глубине наших сердец было и есть неизменное стремление к Матери нашей Церкви, Церкви самой великой и славной среди всего православного мира, — к Церкви кристально чистой по вере православной.

В этом отношении мы всегда были с вами. Как вы тяжело страдали от модернистов, живоцерковников и обновленцев, так разделяли ваши душевные муки и мы, не одобряя и не допуская никаких новшеств в Церкви.

Как вы были против всяких ересей, так и нам всегда были противны всякие догматические отступления. Как для вас, так и для нас православная вера является самым высшим и драгоценным благом.

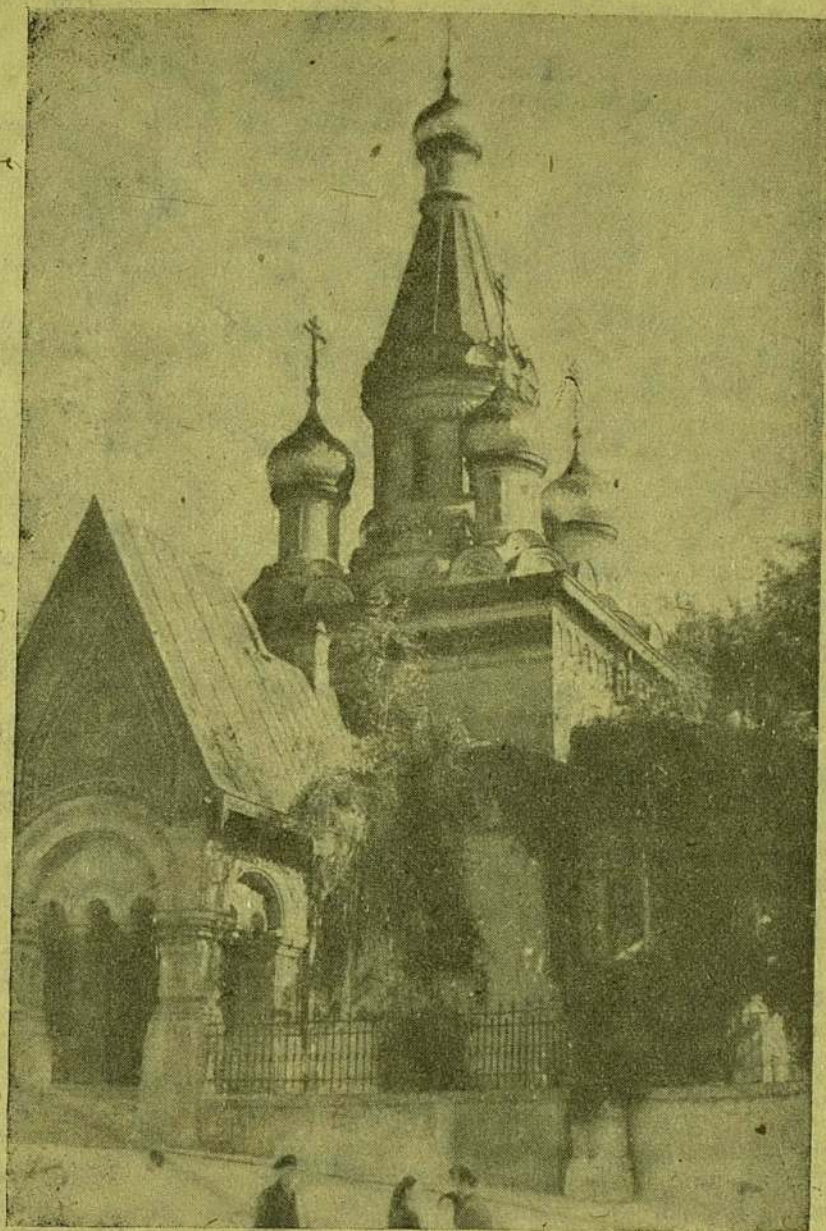
Из Журнала Московской Патриархии видно, что Богословский Институт в Москве получил возможность сделать преобразования своей учебной части в такой мере, что он будет давать своим питомцам в полном объеме то богословское образование, которое получалось прежде в наших духовных училищах, семинариях и академиях.

Причем, по инициативе Совета Института и по ходатайству Вашего Святейшества, Советское Правительство предоставило в распоряжение Богословского Института Успенскую церковь Ново-Девичьего монастыря, с прилегающими к ней обширными помещениями.

Из того же источника явствует, что с каждым годом в епархиях открываются все новые и новые богословско-пастырские курсы, а также более и более открывается в селах и городах православных храмов для совершения в них богослужений. Русская Церковь сильно расширилась в своем объеме за счет русских заграничных православных приходов, признавших юрисдикцию Вашего Святейшества. Даже Чешская Православная Церковь вошла в состав Московского Патриархата, признавши над собою его юрисдикцию.

Все эти явления одинаково отрадны как для вас, так и для нас. И дай Бог, чтобы Русская Церковь более и более благоденствовала, процветала и объединяла вокруг себя не только православных людей, но и инославных христиан через присоединение их к православию. Мы это говорим, имея в виду присоединение к нашей стране после недавней войны с Германией, Галиции и Закарпатской Украины и массовое стремление униатов в этих исконных русских землях к воссоединению с Русской Православною Церковью.

Есть и еще одно явление, одинаково отрадное как для наших братьев, живущих в родной земле, так и для нас, живущих за границей. Из тех же номеров «Журнала Московской Патриархии», а также от лиц, прибывающих сюда из Советского Союза, известно, каким почитанием и какой любовью окружает русский народ Ваше Святейшество.

Русская Свято-Никольская церковь в Софии

Когда Вы служите, храмы переполняются народом. Они не вмещают всех желающих присутствовать за Вашим богослужением. Когда Вы благословляете, то у Вас нехватает сил и времени дать свое Патриаршее благословение всем его ищущим. Так стремится к Вам Ваша паства в России. Но и здесь Вы, Святейший Владыко, можете наблюдать, какое множество русских людей стремится видеть Вас, быть на Вашем богослужении и принять от Вас благословение.

В этом устремлении к Вам обнаруживается сознание русскими православными людьми того великого бремени, которое Провидением Божиим возложено на Ваши рамена, как на духовного вождя самой многочисленной Православной Церкви на земле.

Некогда св. Феодор Студит сказал, что «епископское служение является одним из самых трудных и тяжелых». Можно представить себе, каким трудным является служение Главы Церкви, включающей в себя множество епархий, каждая из коих представляет собою особую Церковь во главе со своим епископом. Поистине к Вам применимы слова апостола Павла, сказавшего: «У меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал. Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся» (2 Кор. II, 28—29).

Сознавая всю тяжесть Вашего патриаршего служения и, следовательно, всю необходимость особенной для Вас помощи Божией, я покорно прошу Ваше Святейшество, возлюбленный о Христе Святейший Владыко, принять от меня икону Пречистой Божией Матери «Умиление». Примите ее не только лично от меня, но и от лица всей моей паствы в знак нашей преданности и любви к Вам с тем, чтобы и Вы, Ваше Святейшество, восприняли нас в Ваше сердце, в Вашу любовь, не забывали нас в Ваших святых молитвах и не оставляли нас в своем отеческом попечении и покровительстве.

Пусть сия св. икона будет между Вами и нами связующим, священным символом, побуждающим нас стремиться к взаимному сердечному единению и к осуществлению в нашей церковной жизни божественных слов Христа: «и будет едино стадо и один Пастырь» (Иоан. 10, 16).

После Литургии у Блаженнейшего Экзарха был официальный обед с участием гг. министров, за которым, в ответ на тост Блаженнейшего Экзарха, Святейший Патриарх выразил Его Блаженству, Правительству и г. г. Министрам Болгарии пожелание успеха в их трудах для благоденствия и благополучия страны и народа.

В 5½ ч. вечера Святейший Патриарх посетил храм св. Седмочисленников (свв. Кирилла и Мефодия и пяти их учеников), где был встречен местным духовенством. Протопресвитер Г. И. Шавельский приветствовал Его Святейшество следующей речью:

«Ваше Святейшество! Высокочтимый Святейший Владыко! Наш исторический храм сегодня переживает великий исторический момент. Его причт, настоятельство и паства имеют счастье встречать Вас, Первосвященителя не только Российской Церкви, но и всего православного славянского мира.

Недавно, только 42 года тому назад храм этот стал священным местом, где совершается бескровная Христова жертва, где ежедневно возносятся молитвы, прошения и благодарения Единому Истинному, в Троице Святой славимому Богу. Раньше, в течение более 300 лет он был кафедральною турецкою мечетью.

Не сложна его история. Заложен он был турками в 1528 г., в царствование турецкого султана Сулеймана Великолепного, пред его по-

ходом на Вену; выстроен знаменитым турецким архитектором того времени Коджою Синаном, по одним известиям, янычаром греком, по другим, янычаром болгаринном из Родопского села Широка Лека, родного села Его Блаженства Экзарха Стефана. Существует предание, что он построен на месте, где стояла Сардикийская церковь, в которой заседал Собор 344 г., а потом, в нашем тысячелетии, помещался монастырь св. Иоанна Рыльского чудотворца. Выстроенный Синаном храм, превосходивший по красоте и величию все мечети Балканского полуострова, должен был, по замыслу и основателей и строителей его, вечно свидетельствовать о могуществе и турецкой державы и Ислама. Но Господь судил иначе: в 1903 г. составлявшая гордость мусульман мечеть превратилась в православный храм, посвященный памяти свв. Седмочисленников славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и их учеников: Климента, Наума, Саввы, Горазда и Ангеллария. Если знаменитая Константинопольская София продолжает служить тяжким укором для всего христианского мира, в течение пяти веков не смогшего или не пожелавшего вернуть этой величайшей общехристианской святыне ее первоначальное назначение, то этот храм может служить символом победы креста над полумесяцем.

Ваше Святейшество! Осчастливленные Вашим посещением, причт и настоятельство храма поручили мне уверить Вас, что в этом храме не оскудевает память и ежедневно возносятся молитвы о великой, самоотверженной Св. Руси, освободительнице болгарского народа, мощной защитнице свободы и прав прочих славянских народов; что Вы, Ваше Святейшество, подвигами своей жизни стяжали себе в Болгарии славу истинного архипастыря. В наше бурное время человечество стоит на распутьи между старым и новым миром. Одни безнадежно оглядываются назад, другие безудержно рвутся вперед. Вы же избрали золотую середину, оставшись верным вечному, завещанному нам Христом Спасителем идеалу, сущность которого: любовь к Богу и любовь к человеку, служение Богу и служение людям, через служение Богу служение людям и чрез служение людям — служение Богу.

В патриотической ревности Вы пошли по стопам своего соименника св. Алексея, Митрополита Московского и всея Руси, и его друга — Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца; в доблести и самоотвержении Вы уподобились великим святителям — Митрополиту Ионе и Патриарху Гермогену.

Ваше сегодняшнее посещение золотыми буквами будет записано в летописях этого храма. Дабы оно оставалось и для Вас памятным, причт и настоятельство просят Ваше Святейшество принять сей ковчег. Не сияет он ни золотом, ни драгоценными камнями. И тем и другим бесконечно богата Русская земля и ими наш храм не удивил бы Вас. Для мудрых века сего это подношение может показаться малоценным и малозначущим, а для кого золотом является Господь Вседержитель (Иов. 22, 25), для тех оно будет возжеленнее земного золота и серебра (Псал. 18, 11). В этом ковчеге частица мощей одного из св. Седмочисленников — Климента, святителя Охридского, вывезенная в 1916 году из Охрида б. Охридским Митрополитом Борисом.

Вашему Святейшеству подносится эта православно-славянская святыня, дабы она духовно связывала Вас и Вашу благочестивую паству с нашим храмом и глубоко чтущей Вас болгарской землей и вдохновляло Вас на молитвы о них.

Примите, Святейший Владыко, сей дар веры и любви и в своих святых молитвах вспоминайте храм сей, с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оный и многострадальный Болгарский народ.

Святой же Климент, Святитель Охридский, своим предстательством пред престолом Всевышнего да окрыляет и укрепляет Вас в священных подвигах Ваших!

Теперь Святейший глубокопочитаемый, дорогой Владыко, разрешите мне от себя лично сказать несколько слов, выразить свою беспредельную радость, что Господь сподобил меня на склоне моих лет, на 52-м году моего священнослужения собственными глазами увидеть Вас, Главу родной Церкви, трудами и подвигами Вашими, Вашего великого предшественника, моего незабвенного учителя и, решаюсь сказать, друга, Патриарха Сергия, и многих других обновленной, возвышенной и на путь широкого Христова делания выведенной.

Теперь я, подобно праведному старцу Симеону, могу воскликнуть: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко... с миром, яко видеста очи мои спасение Твое».

Благоденствуйте, Владыка Святой, преуспевайте, украшайте родную Церковь на многая, многая лета!»

Посещением монастыря «св. Краля» закончился этот день.

23 мая, в четверг, в 11 ч. утра Его Святейшество посетил старинный Боянский монастырь, где осматривал художественно исполненные фрески XIII века в храме Св. Николая.

В 1 ч. дня у Блаженнейшего Экзарха снова был официальный завтрак с участием г. Г. М. Димитрова и Секретариата Национального Комитета Отечественного фронта. В своей речи Блаженнейший Экзарх приветствовал Святейшего Патриарха, как объединителя не только славянских, но и вообще православных церквей. Его Святейшество в ответной речи Экзарху высказал пожелание представителям Национального Комитета Отечественного фронта успеха в работе на благо и счастье болгарского народа. Г. М. Димитров в своем тосте за Святейшего Патриарха указал на него, как на пример, которому необходимо следовать представителям Болгарской Церкви: идти с народом и таким образом содействовать государственной власти поднимать народ и страну к дальнейшему росту и преуспеянию.

24 мая, пятница. Большой национальный праздник в память свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Торжественный молебен в Александро-Невском соборе, в присутствии Правительства и массы народа, совершил Святейший Патриарх. Затем состоялась многочисленная величественная манифестация учащихся всех школ — высших, средних и низших и воинского парада, который принимало Правительство. На параде присутствовали: Его Святейшество со спутниками, Его Блаженство, гг. Регенты, Министры, весь дипломатический корпус, Национальный Комитет и много почетных гостей.

После парада Его Святейшество с Митрополитом Григорием посетили Заместителя Председателя Союзной Контрольной Комиссии генерал-лейтенанта А. И. Черепанова.

В 1 ч. дня состоялся обед в старинном Драгелевском монастыре, на даче Блаженнейшего Экзарха, где присутствовали все Митрополиты и высшее духовенство.

25 мая, суббота. В 9 ч. утра выезд в Рыльский монастырь, находящийся в 120 км. от Софии в Рыльских горах. По пути были торжественные встречи Святейшего Патриарха в городах: Дупница, Кочериново и Рила.

У ворот Рыльского монастыря встречала вся братия во главе с Игуменом архимандритом Каллистратом, который приветствовал Патриарха речью.

Благословение Святейшим Патриархом Алексием агнца в летней резиденции
Экзарха Болгарского Стефана в день национального праздника свв. Кирилла
и Мефодия

Встреча Святейшего Патриарха Алексия у Иоанна-Рыльского монастыря
(Болгария). Приветственная речь настоятеля

После краткого молебна в монастырском величественном храме и поклонения святым мощам Преподобного Иоанна Рыльского все гости прошли в игуменские покои, где состоялось официальное собрание в присутствии Святейшего Патриарха, Блаженнейшего Экзарха, г. Регента — В. Ганева и старшей братии. Здесь открыл собрание о. Игумен своей речью, затем говорил Экзарх и Святейший Патриарх.

Вечером в 6 ч. было совершено всенощное бдение при пении хора Александро-Невского собора. Литию совершил Митрополит Григорий, на величание выходило 15 архиереев во главе со Святейшим Патриархом.

26 мая, в воскресенье, в 8 ч. утра большой монастырский колокол возвестил начало торжественной Литургии, которую служили 15 архиереев во главе со Святейшим Патриархом. На церковной службе присутствовал Регент г. В. Ганев и официальные лица: посол СССР С. П. Кирсанов с супругой, председатель русского Красного Креста и Полумесяца г. Колесников, министр-председатель К. Георгиев, министры: А. Обов, Д. Вельчев, С. Тончев, Д. Казасов, Т. Костов, А. Югов, Г. Кулишев, гл. секретарь Национального Комитета Отечественного фронта Ц. Драгойчева, Г. М. Димитров, ген.-лейт. А. И. Черепанов, ген.-майор А. И. Сучков и несколько тысяч православного верующего народа. После литургии Экзарх произнес слово о значении обители преп. Иоанна Рыльского в истории и жизни Болгарского народа, а Святейший Патриарх объявил открытие начала торжеств по случаю 1000 лет кончины Преподобного и в своем слове отметил, что единомысленное и единоедушное чествование годовщины со дня смерти великого подвижника и пустынножителя преп. Иоанна Рыльского, проявленное всем болгарским народом, несомненно, привлечет действительную и спасительную благодать Божию на болгарскую страну и болгарский народ к их дальнейшему преуспеянию.

После поклонения св. мощам все официальные гости, прибывшие из Софии, отправились в корпус большой монастырской библиотеки, где был сервирован обед на 120 персон. За обедом были произнесены речи о значении этого праздника Его Святейшеством Патриархом Алексием, Блаженнейшим Экзархом Митрополитом Стефаном, Министром-председателем К. Георгиевым, г. Г. М. Димитровым, ген.-лейт. А. И. Черепановым, Митрополитом Григорием, Министром Д. Казасовым и Игуменом архимандритом Каллистратом.

После обеда гости осматривали библиотеку и музей.

Вечером было совершено всенощное бдение.

27 мая, в понедельник, с утра была совершена Божественная Литургия Митрополитом Григорием в сослужении Митрополита Климента и епископа Парфения.

После завтрака и осмотра монастырской библиотеки и музея Его Святейшество и все архиереи простились с насельниками Св. обители и после краткого напутственного молебна пред ракою св. мощей отбыли из монастыря в г. Софию.

На пути Святейший Патриарх посетил исторический город Самоков, где была устроена ему сердечная встреча.

Вечером в этот день в 8½ ч. был официальный прием у Министра иностранных дел и исповеданий г. Г. Кулишева, на котором присутствовали оба Регента, Министр-Председатель и все официальные лица. Министр иностранных дел в кратком слове указал на значение посещения Святейшим Патриархом Алексием Болгарии и Рыльского монастыря в дни юбилейных торжеств; на это приветствие Его Святейшество ответил тостом за Правительство Болгарии. В конце обеда г. Регентом

Т. Павловым были вручены от Правительства ордена: Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию — орден Св. Александра Невского I степени; Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию — орден «За гражданские заслуги» II степени; архимандриту Патриархии Иоанну — орден Св. Александра III степени, архидиакону Г. Антоненко — св. Александра IV степени, секретарю Патриарха Г. Самуилову — орден «За гражданские заслуги» V степени и иподиакону С. Колчицкому — орден «За гражданские заслуги» V степени.

28 мая, в понедельник в 8½ ч. утра, Его Святейшество со свитой, в сопровождении Блаженнейшего Экзарха и Регента В. Ганева особым поездом проехали в г. Пловдив, где в Кафедральном соборе были встречены местным духовенством и массою народа. Пловдивский Митрополит Кирилл приветствовал Его Святейшество речью как первоиерарха избранной и благоуукрашенной сестры о Господе — св. Русской Православной Церкви.

После краткого молебна и посещения Митрополита Кирилла, в детском приюте был устроен обед, после которого гости посетили памятник русским воинам, павшим при освобождении Филиппополя (г. Пловдив), и отбыли через Асеновград в Бачковский монастырь, где помещается Пловдивская духовная семинария.

Здесь Святейший Патриарх был встречен игуменом Пименом с братией в старинном храме Бачковского монастыря. Краткий молебен; пел мощный хор воспитанников духовной семинарии, один из которых приветствовал Святейшего Патриарха горячей речью. После обеда, данного о. игуменом, Святейший Патриарх и все приехавшие с ним лица возвратились поздно вечером в г. Софию.

29 мая, среда. В 11 ч. происходило совещание у Блаженнейшего Экзарха со Святейшим Патриархом по церковным вопросам, касающимся Болгарской Церкви.

Вечером Его Святейшество и Митрополит Григорий посетили Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина на его даче в г. Княжево.

30 мая, четверг, праздник Вознесения Господня. Божественную Литургию в Александро-Невском соборе г. Софии совершил Святейший Патриарх в сослужении с 15 архиереями. За литургией была совершена хиротония протосингела Варненской митрополии архимандрита Тихона во епископа Смолянской епархии. Слово за Литургией произнес Митрополит Григорий. По окончании Литургии новопоставленному епископу Его Святейшество вручил жезл с соответствующей речью о руководственном значении священнодействий при хиротонии в жизни и архипастырской деятельности епископа, на что новопоставленный епископ ответил благодарственным словом с заверением нести свое служение со всею ревностью о Господе.

После Литургии у Блаженнейшего Экзарха было заседание всех Митрополитов со Святейшим Патриархом по церковным вопросам.

Вечером, в 8 ч. 20 м. специальным поездом Его Святейшество со свитой и Блаженнейшим Экзархом выехал на Габрово для посещения Шипки и Плевны, в сопровождении министра Д. Казасова и некоторых Митрополитов.

31 мая, в пятницу, в 7 ч. утра наш поезд прибыл в г. Габрово. Здесь встретили Святейшего Патриарха духовенство, монахини Благовещенского монастыря и городской голова, приветствовавший Его Святейшество речью. Здесь к нам присоединился и прибывший из Сербии епископ Новосадский Иринеи. Отсюда на машинах мы поднялись на Шипку на самый верх перевала «Св. Николая», к памятнику, где Святейший Пат-

риарх отслужил заупокойную литию по русским воинам, павшим здесь за свободу Болгарии в августе (9—11) 1877 г.

В 11 ч. утра мы поездом отбыли через г. Дряново, Велико-Тырново в г. Плевну, где в 3½ ч. состоялась торжественная встреча, с почетным караулом и массой народа во главе с духовенством и военными властями.

Здесь Его Святейшество посетил мавзолей, где был встречен Митрополитом Паисием, который приветствовал Его Святейшество речью, в которой указал, что в г. Плевне, где десятки тысяч русских богатырей сложили свои кости за свободу Болгарского народа, особенно сильно чувствуется благодарность, признательность, любовь, верность и преданность великой освободительнице — России. Здесь был решительный и победоносный исход битвы за освобождение Болгарии. Это наш общий Союз, наша общая Голгофа, но и наш общий Фавор и Елеон...

После краткого молебна Святейший сошел в усыпальницу, где хранятся останки (черепа и кости) погибших русских воинов, и совершил панихиду по ним. Затем осмотрели Скобелевский парк и памятник; «долину смерти», где происходил бой, посетили музей царя-освободителя — небольшой домик, где царь принимал плененного Османа-пашу, защищавшего Плевну.

В 6 ч. вечера был торжественный обед в Областной Палате г. Плевны, на котором присутствовало до 100 официальных лиц. С приветственной речью выступали: Румынский министр г. Константинеску-Яш, ген.-лейт. Греков, Министр Д. Казасов и другие. Его Святейшество в ответной речи благодарил за теплые приветствия и добрые чувства к нему и к русскому народу.

В 9 ч. поезд увез нас обратно в Софию, куда прибыли уже в 2½ ч. ночи.

На другой день, 1 июня в субботу, в 1 час. дня устроил прием в честь Его Святейшества Национальный Комитет Отечественного фронта. Председатель Комитета по устройству чествования 1000-летней годовщины Преп. Иоанна Рылского г. Харизанов приветствовал Его Святейшество от имени Национального Комитета, указал на огромное моральное значение для жизни Болгарской Церкви этого посещения и пожелал дальнейшего укрепления взаимной дружбы двух братских Церквей — Русской и Болгарской. Святейший Патриарх в ответной речи благодарил за добрые чувства, которыми встретила его гостеприимная братская Болгария, и от души пожелал Болгарскому Правительству полного успеха в осуществлении всех его начинаний, имеющих в виду счастье и благосостояние болгарского народа, а Православной Болгарской церкви в лице ее деятелей — полного содействия всем этим добрым начинаниям.

2 июня, в воскресенье, в 11 ч. утра у Блаженнейшего Экзарха собрались все Митрополиты и архиереи. Здесь Экзарх Митрополит Стефан благодарил Его Святейшество за посещение Болгарской Церкви, которое еще более укрепило связи ее с Русской Православной Церковью и дает ей уверенность в дальнейшей работе и надежду на помощь в ее нуждах. Затем было поднесено много подарков Его Святейшеству и его свите от Блаженнейшего Экзарха и Митрополитов. Были присланы Его Святейшеству на память подарки и от Правительства, от Национального Комитета Отечественного фронта, от духовенства и церквей, также и от частных лиц в благодарность за посещение.

По случаю торжеств в Рылском монастыре Святейшим Патриархом и Блаженнейшим Экзархом были посланы телеграммы Святейшему Вселенскому Патриарху Максиму и Председателю Сербского Синода

Митрополиту Скоплянскому Иосифу. От Патриарха Вселенского была получена ответная телеграмма на имя Святейшего Московского Патриарха:

«С большою любовью мы получили Вашу братскую приветственную телеграмму. Добрые чувства и горячие молитвы за нас пред священными мощами святого Иоанна Рыльского чудотворца глубоко тронули нас. Шлем с сердечным благодарением братский привет, желая Вам здоровья и укрепления от Бога в исполнении высоких обязанностей Ваших. Вселенский Патриарх Максимос».

Митрополит Иосиф отвечал Его Святейшеству:

«В день святых Кирилла и Мефодия сердечно и с теплой братской любовью поздравляю Вашу Святость. Исполла эти деспота. За председателя Священного архиепископского Синода Сербской Православной Церкви, Митрополит Скоплянский Иосиф».

3 июня, во вторник, в 8^{3/4} ч. утра мы вылетели из Софии в Москву. На аэродроме Святейшего Патриарха провожали: Блаженнейший Экзарх Митрополит Стефан, все Митрополиты, духовенство, представители от Министерства Иностранных дел, от Советского Посольства и от Союзной Контрольной Комиссии.

Его Святейшество передал для опубликования в прессе следующее свое обращение:

«Покидая братскую Болгарию, я выражаю самую сердечную благодарность представителям Болгарской Православной Церкви во главе с Блаженнейшим Экзархом Митрополитом Стефаном, народу и Правительству страны, где мы встретили самый радушный прием и трогательное выражение братских чувств, и призываю Божие благословение на родную нам Болгарскую Православную Церковь и на весь верующий болгарский народ, с горячими пожеланиями ему дальнейшего мирного развития и процветания — во славу Божию, на пользу славянства и на благо человечества». Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.

В тот же день 3 июня, в 3 ч. дня мы уже были в Москве.

МИТРОПОЛИТ ГРИГОРИЙ

Речи, проповеди

РАДОСТЬ

Слово, сказанное в Воскресенской церкви, что на Арбате в г. Москве

Христос воскрес! Сколько радости мы вкладываем в эти два слова, когда их произносим! С каким подъемом духа мы повторяем их бесчисленное число раз в пасхальные дни! Каким духовным восторгом наполена и вся наша пасхальная служба с ее песнопениями!

Как часто в этих песнопениях Святая Церковь говорит о радости и призывает нас к радости. «Светися, светися, новый Иерусалиме!» «Ликуй ныне и веселися, Сионе». «Радостию друг друга обьемем». «Прииде крестом радость всему миру». С особым вдохновением мы много раз поем и святые псаломские слова: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны» (Пс. 117, 24).

И как понятна эта радость Церкви, это наше ликование. «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна» (I Кор. 15, 17), говорит св. апостол Павел. В событии воскресения Христова сосредоточены все радости нашей веры: Спаситель не остался лежать мертвым во гробе; Он воскрес, значит мы спасены; принята принесенная за наши грехи искупительная жертва правосудию Божию; совершено спасение человечества от власти над ним греха, диавола и смерти; мы не умрем, потому что Тот, Кто воскрес из мертвых, смертию смерть поправ; мы уже не дети гнева Божия, а дети Небесного Отца; перед нами открыты двери рая; нам подаются благодатные силы на пути к этим райским дверям; мы знаем Бога; мы веруем в Него, мы идем за Ним, и во всем этом — источник величайшей радости для нас.

Отсюда и наши пасхальные восторги, отсюда и неумолкаемые призывы к радости.

Все мы знаем, что радость — это украшение жизни человека. Нередко она бывает подобна солнечному лучу, который неожиданно прорезывает облачное небо и, падая на землю, приносит с собою оживление.

Все мы тянемся к радостям, все мы их ищем. Желая друг другу всего самого светлого и самого лучшего в жизни, мы тем самым желаем тем, кого любим, больше радостей. Без радостей жизнь была бы тусклой, скучной и тяжелой. И хотя жизненный путь каждого из нас усеян скорбями, болезнями, заботами, тревогами, но все-таки немало и радости переживает сердце каждого из нас на этом пути жизни.

Разнообразны радости человеческого сердца! Есть радости греховные, когда человек радуется горю другого или радуется тому, что ему удалось причинить зло другому, или, наконец, когда грешник переживает обманчивое чувство удовольствия и удовлетворения после совершенного им греха. Об этих радостях мы не будем говорить, потому что

они недостойны человека, их осуждает не только христианский закон, но и общечеловеческое сознание.

Есть много радостей невинных и чистых, которые являются для человека источником внутреннего счастья. Например, святая радость материнства. Мать стоит около колыбели, в которой лежит ее дитя. Она смотрит в невинное и ясное лицо этого дитяти, любит его, ласкает свое дитя, — и чистой радостью наполнено материнское сердце. Также прекрасна радость матери о своих детях уже взрослых, уже кормильцах ее наступающей или наступившей старости, когда, прижимая к своей груди любимое дитя, мать и гордится им, и не назовется на него, и душа ее утешается заботами о ней и любовью детей. Какой источник радости и для детей иметь любящих и любимых отца и мать, в сердце которых сын или дочь всегда найдут для себя ласку и добрый, любящий совет.

Но... как непрочна, как хрупка эта радость! Как часто она бывает подобна тонкому стеклу дорогого сосуда, который так легко разбить!

9 мая мы празднуем день Победы. Все мы знаем, что к этому долгожданному дню, о котором в дни войны мы так страстно мечтали, о приближении которого горячо молилась наша Церковь, мы подошли ценою многих тысяч жертв молодых жизней.

Не одно материнское сердце продолжает сжиматься от скорби, а в этот день Победы сожмется еще сильнее, вспоминая о своей невозвратной потере. Уже не будут материнские руки ласкать дорогое лицо, уже не посмотрит мать никогда в любимые сыновние глаза, никогда не прижмут к себе погибших детей старческие материнские объятия.

Вот как хрупка наша земная радость! И если мы и не лишаемся такой радости до конца своих дней, то все же она должна будет иметь свой конец вместе с земной жизнью каждого из нас.

Среди всех неизбежных в земной жизни скорбей и испытаний наше сердце ищет таких радостей, которые были бы так же вечны, как бессмертен наш дух. Такие радости дает нашему сердцу наша вера. О ней поет, о ней проповедует в своих песнопениях в пасхальные дни наша Церковь.

Радость жизни с Богом в душе — это вечная радость; здесь начинаясь, она не знает конца. О ней говорил Спаситель накануне Своих страданий: «Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ио. 16, 22). О ней же Он сказал и мироносицам, явившись им в день Своего воскресения: «Радуйтесь!» (Мф. 28, 9).

Радость знать Бога, веровать в Бога, идти за Ним и носить Его в своем сердце даст силы человеческому духу побеждать все испытания, болезни и страдания. Она вдохновляет его на подвиги во имя любви к Богу и к ближнему.

Вы знаете, что все апостолы, кроме Иоанна Богослова, окончили свой апостольский подвиг мученической смертью. И апостол Иоанн Богослов, скончавшийся в глубокой старости, за проповедь веры подвергался гонениям и истязаниям. Все апостолы в своем проповедническом подвиге потерпели множество всяких испытаний — их били, заключали в темницы, изгоняли из города в город, многократно пытались убить, но ничто не останавливало их в их порыве продолжать свое апостольское дело проповеди до конца дней. Мало того: св. апостол Павел, который претерпел гонений больше других апостолов, как бы от лица их всех говорит в своих посланиях: «Мы являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах..., под ударами, в темницах, в изгнаниях..., нас огорчают, а мы всегда радуемся» (2 Кор. 6,

3—10). Откуда эта радость? Это та радость, о которой мы вспоминаем в эти пасхальные дни. Апостолы видели своими глазами Божественного Учителя, слушали Его речи и поклонялись Ему Воскресшему, и эту радость знать Бога, идти за Ним, служить Ему, ощущая Его в своем сердце, они пронесли через весь свой жизненный путь, весь свой апостольский подвиг. Кто эту радость нашел в своем сердце, тот уже живет с ней до конца своих дней.

Из житий святых мучеников мы знаем о том, как страдали и умирали мученики первых веков христианства. Их подвергали тяжелым пыткам перед смертью и, как говорят нам сказания о подвигах св. Екатерины, св. Феодора Стратилата и многих других, они, стоя перед лицом смерти с выдернутыми ногтями, с переломленными костями, с обожженным телом, встречали смерть улыбаясь. Откуда эта сияющая улыбка радости? Все из того же источника. Страдая и умирая, они видели очами своей веры протянутую к ним руку Того, за Кого умирали, и в этой руке видели приготовленные для них венцы, согласно обещанию Господа: «Будь Мне верен до смерти и дам тебе венец жизни» (Откр. 2, 10).

В IV и V веках в египетской пустыне подвизались отшельники. Тяжелыми, добровольно взятыми на себя подвигами они доводили себя до полного истощения и изнурения плоти. Казалось бы, такой подвиг должен был их сделать суровыми, сосредоточенными, строгими к другим, как они были строги к себе. Как раз наоборот. Сквозь пески этой египетской пустыни к ним тянулись вереницы людей не только для того, чтобы поклониться их подвигу, но и для того, чтобы от них получить себе утешение. И они, эти носители необыкновенных подвигов, умели насыщать сердца приходивших к ним радостью. И это потому, что сами они были полны этой радостью. Чем ближе человеческая душа к Богу, чем она теснее прилепляется к Богу, тем большей радостью она напоена.

Мы ведь имеем близкий для себя пример такого источника радости в лице преподобного Серафима Саровского чудотворца. Этот наш русский подвижник, подражая древним отцам, тысячу дней и тысячу ночей стоя на коленях на камне, молясь Богу, нес подвиг пустынножительства, молчания, затвора, поста. И когда уже на конце своего подвига он стал принимать к себе народ, то все увидели в нем старца, полного такой внутренней духовной радости, которая как из переполненной чаши истекала из него. Он встречал людей во все дни года пасхальным приветствием «Христос воскрес»; обращаясь к людям, называл их: «Радость моя!», и на лице его всегда была ласковая, сияющая улыбка. Разнообразными подвигами в своей жизни он достиг степени такого тесного общения с Богом, что душа его стала сосудом чистой святой радости.

Св. апостол Павел, зовя всех нас к Богу, научая спасти свою душу для вечной жизни, всем нам завещает: «Всегда радуйтесь» (I Фесс. 5, 16).

Такая внутренняя духовная радость христианского сердца является и показателем той степени духовной жизни, до какой достигает это сердце. Тот же св. апостол Павел в другом своем послании говорит, что плодом пребывания духа Божия в сердце человека, в числе других, является и радость (Гал. 5, 22). Если этой радости нет, то нет и духа Божия в сердце.

Спаситель сказал нам, что этой радости никто от нас отнять не может. Ни страдания, ни болезни, ни люди, ни мысль о смерти, ни сама смерть не лишает этой радости того, кто ее приобрел в своем сердце.

Только одно может от нас отнять ее — это грех. Когда грех входит в сердце человека и владеет этим сердцем, в нем уже не может быть

Духа Божия, ибо «что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6, 14) — говорит св. апостол Павел. «Нет радости нечестивому» сказано в слове Божию.

Грех неосознанный и, значит, неоплаканный, не искупленный, особенно грех упорный и многолетний, разрушает связь души человека с Богом. Он отнимает от сердца благоговение, дух молитвы — все то, чем жило это сердце до своего рабства греху, и вместе с тем лишает его той радости о Боге, какую это сердце имело раньше.

Пусть каждый из нас не только своей мыслью, но всем своим существом сознает, что самый страшный враг наш — это грех. Пусть каждый из нас не жалеет трудов, иногда и очень упорных, для того, чтобы вырвать из сердца и плоды, и самые корни грехов и страстей.

В дни Великого поста мы, православные христиане, все говели, оплакивали свои грехи, проносили в них покаяние, очистили свое сердце, и потому наша радость о воскресшем Господе в эти пасхальные дни так чиста, глубока и неисчерпаема. Все мы своими сердцами сливаемся с той радостью, какой дышит, какой сияет в своих гимнах наша Церковь. Пусть каждый из нас бережет эту радость до конца своих дней! Пусть для каждого из нас она будет путеводной звездой на его жизненном пути и источником духовных и телесных сил, особенно тогда, когда Богу угодно посылать нам испытания.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАИ

СЛОВО В НЕДЕЛЮ АПОСТОЛА ФОМЫ

(Произнесено в Ленинградском Спасо-Преображенском соборе
28 апреля 1946 г.)

Святая Церковь воспоминает сегодня явление Господа ученикам в восьмой день по воскресении, чтобы уверить апостола Фому в истине этого воскресения. Когда в первый день воскресения Господь явился ученикам в отсутствие ап. Фомы и те сообщили ему, что Учитель жив и являлся им, Фома, пораженный этим сообщением, сказал, что поверит в это лишь тогда, когда своими руками осяжет гвоздинные язвы на Теле Господа. Господь пошел навстречу желанию Фомы и, явившись снова ученикам в восьмой день, предложил ап. Фоме осязанием ран на Его Теле убедиться в действительности воскресения Господа. Сомнения ума были побеждены очевидностью, и уверовавший Фома, радостный от разрешения сомнений, воскликнул с любовью и верой: «Господь мой и Бог мой!» Господь же в назидание ответил ему: «Ты поверил, потому что увидел; блаженны невидевшие и веровавшие»...

Мы живем в век критики и сомнений вообще во всех областях. В делах житейских, в предметах, подлежащих области разума, знания, взаимоотношений, — сомнение и критика необходимы: это — необходимое условие, без которого не достигнуть истины. Даже больше: жизнь так исполнена лукавства, что и при осторожности, при сомнении и критике можно подвергнуться обману со стороны людей злых, стремящихся достигнуть каких-либо своекорыстных целей. Так в вопросах жизни.

Но то же и в вопросах религии. И здесь бывают сомнения, которые необходимо уважать. Так, если человек усвоил веру только по преданию, по наслышке, не вдумываясь, то его долг, как разумно сознательного существа, спросить себя — почему он верит? Ведь евангелие никому не навязывает убеждений, и Христос никогда не насильствовал человеческой души; религиозные убеждения должны быть свободны и искренни. И чем серьезнее будут эти исследования, тем лучше для прочности веры: евангелие имеет свои доказательства для всякого рода умов и для всяких состояний души; для одних оно проявляется в доказательствах, поражающих разум, у других оно касается сердца и совести, и когда таким образом обретена вера, когда таким образом достигнут душевный мир и уверенность в вечной жизни, тогда никакие богословы мира не смогут поколебать нашей веры...

Итак, сомнение может быть законно и исследование вопросов религиозных желательны. Но при этом важно, чтобы это сомнение исходило от искреннего желания узнать истину. Тогда оно явится залогом самой оживленной и деятельной веры, как это проявилось и у апостола Фомы.

При таком условии, при искреннем желании узнать истину, — ищите Бога, ищите серьезно, и не только разумом, но непременно и совестью, и сердцем. Разум занимает свое подобающее ему место в религии. Но ведь ничто так неравномерно не распределено между людьми, как дарование ума; а между тем сердце и совесть являются для всех достаточно верными и прямыми путями для отыскания Бога. Этими путями все без изъятия могут притти ко Христу... Поэтому ищите Бога не холодным только разумом, который лишь исследует, критикует и решает; но со вниманием прислушивайтесь и к голосу вашего сердца, которое жаждет прощения, любви и мира, которое стремится к Богу во всех скорбях... Говорят совершенно верно, что нельзя согреться, только зная, из каких элементов состоит солнце и посредством каких законов оно озаряет нас, — для этого надо находиться под его благодатными лучами. То же самое происходит и с солнцем души: при благодатном озарении светом Христовым исчезнут все сомнения и укрепится вера.

Итак, ищите Бога, не бойтесь сомнений, лишь бы они исходили из серьезного желания найти истину; ищите Бога сердцем, внимайте голосу совести, подходите к Господу с сердечной мольбой об озарении, а главное — поступайте по правилам веры — творите дела, указываемые верой: вы верите, что Бог свят, — и ваша жизнь должна быть чиста, вы верите, что Бог есть любовь — и вы должны проявлять в жизни любовь до самопожертвования. Исполняйте это — и вы увидите как ваша вера будет укрепляться и возрастать. Когда Христа спрашивали, что нужно делать, чтобы обрести жизнь вечную, Он отвечал: «Исполняйте заповеди»...

Вот при таких условиях, с таким настроением ищите Бога, отыскивайте истину. И тогда вы действительно «познаете истину, и истина сделает вас свободными» от ваших сомнений и недоумений, и вы, как апостол Фома, от души воскликнете с облегчением и радостью: «Господь мой и Бог мой!»

МИТРОПОЛИТ ГРИГОРИЙ

С т а т ы

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

(9 мая 1946 года)

Каждый храм имеет свою историю, с каждым из них связаны глубокие переживания, каждый говорит о той благодати, что таится под его сводами, как бы пропитанными молитвами, освященными лучшими святыми порывами, слезами упования, на которых как бы отпечатались и молитвы и стремления и наших предков, с которыми нас разделяют сотни лет.

В истории Патриаршего Кафедрального собора есть особенно яркие страницы, которые будут читать с волнением другие поколения. И много расскажет собор о больших событиях в церковной жизни. Здесь отмечаются все знаменательные даты торжественными богослужениями, часто в присутствии высоких гостей, когда они бывают в Москве.

Мы привыкли нести в храм все свои переживания, и никто никогда не уходил из храма с необлегченным сердцем.

Как справедливо сказал наш Святейший Отец в день годовщины его интронизации в ответ на приветствие о том, чего ожидают верующие от Церкви и пастырей, и призывая пастырей продолжать служение Церкви: «Да благословит Господь и каждого из вас, моих сотрудников в деле служения Церкви, и пусть каждый пастырь, как кормчий, бодрственно и с сугубым усердием правит врученным ему церковным кораблем, отдавая этому делу все свои силы. Все свои нужды, все свое горе, все душевные раны, немощи и болезни наш верующий народ несет к Божью алтарю, и здесь от пастырей Церкви ждет и ищет утешения и цельбы, ибо он верует, что пастырь имеет особую благодать и силу низводить благословение Божие на страждущие сердца людей. Не посрамим же этой надежды и с верою в благодатную помощь Господню будем творить дело благодатного возрождения скорбящих и унывающих душ человеческих».

В этих словах мы видим Святейшего преданным делу Церкви Христовой, добрым наставником, мудрым руководителем, хорошо понимающим духовное состояние и чаяния своих духовных детей.

Верующий человек действительно всю свою жизнь связывает с Церковью, и в этом находит великое утешение и духовную отраду.

Вспомним годы войны, когда каждый из нас терял близких людей, когда скорбь и страдания, казалось, совсем задавят нас. И где же мы черпали силы переносить это горе? Где стихала сердечная боль, как не в храме Божием? Мы слышали здесь и слова утешения от пастырей, ободряющие надеждой на милосердие Божие, на Его помощь, и слышали призывы к терпеливому несению своего креста.

Здесь мы имели через молитву духовное общение с погибшими на

поле брани и молились за тех, кто еще продолжал ратные подвиги за Родину. И мы ведь не знаем, может быть, многие из тех, кто при жизни своей отрицал Бога, обратились к нему в последнюю минуту.

Иногда нам кажется, что зло и неправда торжествуют, но Бог правды никогда не оставляет людей и посылает помощь правым.

Не под влиянием ли Церкви совершались славные незабываемые подвиги и в прошедшие времена?

Многие, получив в храме благословение, шли на подвиг, умирали за Родину и родной город.

Наши предки так любили Божий храм, что всякое значительное событие запечатлевали построением новых храмов.

Вся их жизнь была тесно, неразрывно связана с церковью. И не потому ли в нашей стране, как ни в какой другой, так много примеров самоотвержения и самопожертвования во имя любви к Родине?

Год тому назад день окончания войны с Германией в наших храмах был отмечен торжественным богослужением и благодарственным молебствием, которое стало традиционным.

9 мая, в день годовщины Победы над Германией, в Патриаршем Кафедральном соборе Литургию совершал Святейший Патриарх Алексий.

В бытность свою Митрополитом Ленинградским, Владыка был все время со своею паствою, разделяя с нею лишения и печали, утешая и призывая к стойкости и мужеству, и теперь, став Патриархом Московским и всея Руси, еще ближе стоит он к своей огромной пастве.

Часто он обращается к верующим со словом приветия, наставляя и утешая своими первосвятительскими молитвами, ободряя и вселяя отраду в наши души, и потому верующие так любят молиться вместе с ним.

Мы привыкли молиться в храмах, полных богомольцами. Всегда, когда Святейший совершает богослужение, оно носит характер сугубого благолепия и в то же время строгой и стройной молитвы. За этими богослужениями сильно ощущается радость верующей души при виде главы нашей родной Церкви и от сознания, что мы имеем достойного молитвенника за нас перед Господом, попечителя о Церкви родной и о нашем спасении.

Прошел год в мирной обстановке, и Церковь наша в этот день с благодарными молитвами обращается к Господу. Сроднившись с Церковью и благодарным сердцем верующие собираются на молебствие в день Победы.

Не кажется случайным совпадением то обстоятельство, что Победа нашей страны пала на те дни, когда вслед за победными пасхальными напевами так и вырывается радость из груди. Мы празднуем в эти дни Воскресение Христово, через которое все мы будем избавлены от вечного тления и смерти.

Мы веруем и чувствуем, что те, кто ушел от нас в другой мир радуются душою своею пасхальным словам приветствия: «Христос Воскресе» и словам Символа Веры: «Чаю воскресения мертвых».

На эту тему за Патриаршей Литургией произнес проповедь священник М. Зернов. Он говорил: «Господу угодно было перед всем миром прославить победу нашего оружия, знаменуя тем, что мы боролись за правое, за святое дело. Но не только поэтому угодно было Господу сотворить День Победы днем Святой Пасхи. В этот день всеобщей радости особенно остро чувствовали невозвратимость своих потерь матери, потерявшие на фронте своих детей, овдовевшие жены, осиротевшие дети. «Их нет», горестно восклицали они, и в эти-то минуты раздавалось торжественное «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть

поправ, и сущим во гробех живот даровав», и высыхали слезы, загорались очи; матери, жены и дети положивших души за други своя, с глубокой верой в то, что их слышат ушедшие от них, устремляли взоры в небо и приветствовали их радостным «Христос Воскресе».

Так, сочетав День Победы со днями Светлой Пасхи, Господь проявил Свое благоволение и ко всему нашему народу в целом и к каждому из нас в отдельности.

Святая Русская Православная Церковь ничего не жалела для того, чтобы помочь одержать победу над проклятым Господом врагом, не было такой жертвы, на которую бы она не пошла сама, и не призвала бы своих чад, ради спасения Родины. Еще раз доказала она, что в минуты испытаний, она едина со своим народом».

После окончания Литургии перед началом торжественного благодарственного молебна, который совершал Святейший Патриарх Алексий, митрополит Николай, архиепископ Фотий, архиепископ Елевферий и епископ Макарий, Святейший Патриарх поздравил молящихся с днем Победы, указав на заслуги Православной Церкви и ее чад в деле победы. В молебне приняли участие все настоятели храмов г. Москвы. Горяча была благодарственная молитва.

В пространный купол собора понеслись слова победного христианского гимна: «Тебе Бога хвалим, Тебе Господа исповедуем». Из исполненных благодарностью сердец выливалось святое благоговейное чувство ко Господу и Спасителю нашему, к Которому всегда с трепетом устремляются души, уязвленные скорбями и печалью, но утешенные от Бога и согреты надеждой и верой в конечное торжество Святой Правды Божией и вечной жизни.

Н. В.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Всякий раз, как читаешь евангельский текст: «И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо», — становится грустно.

В течение сорока дней после Своего Воскресения Христос еще оставался на земле, освящая ее Своим присутствием.

И в память об этом от праздника Святой Пасхи до Вознесения наш слух услаждается торжествующими напевами «Христос Воскресе» и пасхальными стихирами, наполняющими душу священным трепетом, и мы сильнее испытываем невыразимую радость, которая ниспосылается нам самим Небом в пасхальные дни. А когда наступает праздник Вознесения Господня и мы знаем, что больше не услышим этих чарующих мотивов, и Господь после дней пребывания среди нас как бы отдаляется от нас, — тогда легкая тень грусти ложится на душу, как будто что-то отрывается от сердца.

Представляется беспредельная синяя знойная даль, в безмолвной молитве внимающая Создателю природа Палестины, Елеонская гора, покрытая масличными деревьями, самый воздух, напоенный молитвой; предстоящие апостолы, исполненные сознания возложенной на них миссии, и возносящийся от земли Христос в ореоле незаходимого света. Увеличивается расстояние между Учителем и учениками. Вот облако скрыло Спасителя, и апостолы остаются одни... Грустно...

Чья дерзновенная мысль могла бы последовать за Господом?

Хочется представить себе, какими чувствами были исполнены сердца апостолов в тот момент, когда Христос, благословив их на подвиг проповедничества евангельской истины, удалился от них и оставил землю. Кажется, им также было грустно. Они осиротели. Хотя Господь и сказал им: «Не оставляю вас сиротами, приду к вам», но ведь они уже больше не видели на земле своего любимого Учителя.

Вскоре после Вознесения, исполнившись, по обетованию Божьему, Духа Святого, апостолы рассеялись в разные стороны. Их семья как бы распалась. Труден был их путь; он был полон всяких лишений, гонений, но они не останавливались ни перед какими испытаниями, потому что, преданные своему Божественному Учителю, жили только одним желанием исполнить Его волю: распространить свет христианского учения.

Получив от Бога дар проповедничества, они возвестили истину всему миру. От светильника веры, который приняли апостолы от Самого Иисуса Христа, загорелось много огней во всех концах земли. Множество человеческих душ возродилось для новой духовной жизни, потянулось к святому учению, затосковало о небе, устремилось по пути к нему.

Путь был указан. В святом Евангелии с неисчерпаемой мудростью

и замечательной простотою и ясностью изложены законы нравственности, указано, как надо жить, о чем думать и заботиться, чтобы достичь наивысшей награды, — вечного единения со Христом.

Но так ли живем мы? Следуем ли заветам Спасителя?

Не отдаляемся ли мы сами от Него?

И не потому ли грустно нам, что мы мало заботимся о потребностях души, а ведь она томится и грустит о небе, и хоть мы часто забываем о ней, порою дает себя чувствовать очень сильно?

Писатель Короленко в одном из своих произведений устами матери слепорожденного ребенка говорит: «Мы часто грустим о невозможном», то есть как бы о том, чего мы не знаем, но что предощущает наша душа. Мы порою испытываем грусть и тогда, когда к этому нет никаких видимых причин. Не есть ли то грусть души о небесной родине, о том, что скрыто, что очень далеко от нас, что кажется нам недоступным, но к чему все же живет в нас непреодолимое стремление? Это нечто забытое, но родное, зовущее... когда-то очень давно слышанное и виденное нами, оставившее по себе хотя и неясное, но неизгладимое и дорогое воспоминание. И вот хочется воскресить это воспоминание с полной ясностью и отчетливостью.

Почему при виде всего красивого вместе с восторгом вы переживаете также и грусть? Не потому ли, что всякая видимая нашими земными очами красота напоминает о красоте нетленной, манящей душу куда-то еще, к какой-то еще большей, великолепнейшей красоте?

Эта грусть не тяготит свинцовой тяжестью душу, она не похожа на тоску, отчаяния или пустоты, но она заставляет искать Того, Кто дает покой душе, Кто является источником всего красивейшего и совершеннейшего. Эта грусть подобна появляющемуся неожиданно на лазурном небе облачку, за которым хочется последовать и проследить его путь.

Если наша душа наделена способностью воспринимать не только восторг и радость, но также грусть и печаль, то мы, естественно, не можем не знать этих чувств.

И не потому ли, когда природа в полной красе, когда, как гласит народный календарь: «К Вознесению дню все цветы весенние расцветают, Христа Батюшку потаенною молитвой в сады райские провожают», когда душой мы провожаем Христа, когда Христос возносится от земли, отдаляется от нас, и вместе с этим как бы отдаляется и радость Воскресения Христова, — грустим мы? В пасхальные дни Спаситель как-то ближе был к нам, а теперь ушел от нас. И жаль расстаться с радостью о Господе.

Как удержать в душе образ Спасителя, чтобы никогда не расстаться с Ним, чтобы не испытывать томящего чувства отсутствия Божества? Евангелие повествует нам, что апостолы, после того как видели возносящегося Господа, поклонились Ему и с радостью великою возвратились в Иерусалим, потому что Христос всегда оставался в их душах и радость о Христе не покидала их.

* Господь через святое Евангелие именно к этому-то постоянному единению с Ним и призывает всех нас. Если мы иногда не слышим Его зова, не ощущаем Его присутствия, так только потому, что засоряем свою душу греховною жизнью.

Иногда ведь бывает так, что один и тот же предмет то кажется нам прекрасным, достойным поклонения, вызывает у нас слезы умиления, желанье молиться, а то вдруг тот же самый предмет, то же явление не волнует нас, не говорит нам ничего, будто и не существует для нас вовсе. Не означает ли это очерствение нашей души, потерю чуткости,—

этого ценнейшего Божьего дара? Христос говорит: «Имеющий уши слышать, да слышит, имеющий очи видеть, да видит». А мы часто и видя не видим и слыша не слышим, от того что нет у нас духовного зрения и слуха или притуплено то и другое, вследствие нашей отдаленности от Бога, от той жизни, которой Он учит нас. И своими слабыми силами, без помощи Божией, мы не можем ни возратить, ни оздоровить в себе ни духовного слуха, ни зрения, которыми, несомненно, была одарена Богом каждая человеческая душа. Как же нам приобрести эти чувства, чтобы повсюду видеть и слышать Господа, чтобы встречаться с Ним постоянно в условиях земной жизни?

Только исполнение воли Его может приблизить нас к Богу.

Каждого человека Господь ведет своим путем, желая спасти его бессмертную душу, вернуть ее к жизни светлой и вечной, к которой безотчетно и неудержимо рвется и грустит душа.

Но часто мы не хотим идти по пути, указанному нам Богом, уклоняемся от него, ищем чего-то еще, стремимся, сами не знаем к чему, тогда как Бог знает лучше нас самих наши способности и силы.

В любых обстоятельствах, при всяких условиях душа может чувствовать Бога.

Прежде всего в исполнении закона Божия, — в чуткости, в любви друг к другу, в добрых делах мы встретимся с Господом, увидим и ощутим Его возле нас близко.

Во всем окружающем нас внешнем мире мы также можем видеть Его: и в красотах природы, и в искусстве.

Когда вы видите перед собой картину гениального художника или слышите музыкальные звуки любимого композитора, или читаете произведение любимого писателя, тогда вы испытываете чувство, близкое к религиозному, и во всем этом чувствуете и видите отражение Божественной красоты, потому что все прекрасное, все то, что рождает в нас устремленность к высокому и идеальному, имеет своим началом Бога, ибо от Него исходит и служит прямо или косвенно напоминанием о Том, Кто является Начальником жизни, Промыслителем о нашем спасении, Кто в своих неисчислимых дарах проявляет к нам любовь и милосердие и зовет прийти к Нему.

Ведь может случиться, что очень зачерствелую больную душу, потерявшую веру в доброе и святое, ничто не трогает, не умиляет; быть может, даже и самое доброе отношение, — и вдруг какая-нибудь знакомая мелодия напомнит ему голос матери, поющий над ним в детстве ту же мелодию, и вместе напомнит детские радости светлой невинной души; или несколько строк вдруг тронут и покорят своей правдой, сердечностью, благородством и ясностью мысли, силою отражения внутренних переживаний, и душа станет искать и увидит и доброе и чистое. Или какой-нибудь скромный полевой цветок, своею безмолвною лаской умилит эту душу до слез и заставит молиться, и душа, кажущаяся глухой ко всему, встрепенется и станет любить и благословлять мир Божий и свой земной путь, предназначенный Богом, и все, что видит вокруг, в порыве благодарности и возрожденных душевных сил скажет словами поэта:

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды.
Благословляю я свободу
И голубые небеса!

И посох мой благословляю,
И эту бедную суму.

И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму.

И одинокую тропинку
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду.

Такое всеобъемлющее чувство любви, как передает нам А. К. Толстой, наполняло блаженством душу Иоанна Дамаскина, когда он, оставив роскошь дворца и славу, шел к давно зовущему его монастырю, чтобы там понести монашеский подвиг.

Такие чувства могут быть знакомы человеку в лучшие минуты его жизни, когда он душою своей, всем своим существом чувствует во всем дыхание Божие.

Все проявления человеческого духа имеют между собою какую-то связь и как бы отождествляются в окружающем нас мире, и часто если не одно, так другое напечет ему о Боге, всколыхнет чувство красоты и вознесет душу над землей.

Сильно и красноречиво говорит нам о Боге сама природа.

Когда вы смотрите на звездное небо, оно кажется вам родным и зовет к молитве.

Когда вам случается идти полем среди колосющихся хлебов, когда ветер шумит колосьями и плавно клонит их к земле, не молитву ли слышите вы в этом шорохе, не кажется ли вам, что колосья все вместе и каждый в отдельности склоняются в молитве, прославляя Бога, и не испытываете ли вы желания встать на колени и помолиться в открытое небо и вместе с трогательно и неподражаемо изящными и милыми колосьями поклониться до земли Превечному Богу, Который дал жизнь каждой травинке?

И опять вспомните вы и другие слова того же автора А. К. Толстого из его стихотворения И. С. Аксакову:

Нет, в каждом шорохе растений
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота.

Я в них иному гласу внимлю,
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа».

Жажда духа подняться выше над землей и хотя на миг приблизиться к Богу рождается часто при соприкосновении и с внешней красотой.

В видимых нами красотах природы отражается нетленная небесная красота, что влечет наши души и немолчно проповедует о Том, Кто создал небо и землю, о Кем поет и ручей и шепчет трава, и шелестит листва, Кто наполняет Собою вселенную.

И если только мы своею недостойною перед Богом жизнью не закроем себе доступ к пониманию этих красот, не заглушим греховностью голос души и будем обращаться к Нему с молитвой, мы увидим Господа, и всегда и везде будет Он с нами по слову Его: «Се Я с вами во вся дни до скончания века. Аминь».

Н. ВАСИЛЬЕВА

ВЕЛИКАЯ ОБЩЕРУССКАЯ СВЯТЫНЯ

(Троицкая Сергиева Лавра в прошлом и настоящем)

(Окончание)

Дело Сергия вовсе не угасло с его телесной смертью. Троицкий Сергиев монастырь сделался местом массового благочестивого паломничества, особенно с открытием его мощей, последовавшим через 30 лет после его кончины.

Весьма велико для всей страны было просветительное значение Сергиевой обители. Непосредственный сподвижник Сергия, инок Епифаний, прославился и как первый биограф Сергия и, в некотором роде, как первый историк начального периода жизни монастыря.

Во 2-й половине XV в. всероссийская слава монастыря приумножилась трудами его нового брата — сербского иеромонаха Пахомия Логофет. В молодости он иночески подвизался на Святой Афонской горе и приобрел себе славу крупного богослова и знатока древне-христианских первоисточников. Его ученость и литературное дарование были известны и в России. Он был приглашен в Москву как для сличения церковных книг с древнейшими подлинниками, так и для составления житий некоторых святых, почитаемых Русской Церковью, и церковных служб, посвященных им.

Он много лет трудился в Троицком монастыре, пользуясь помощью и содействием просвещенных иноков последнего. Логофет явился одним из самых плодотворных и одаренных церковных писателей России. Но кроме чисто церковных его произведений, он прославился своей знаменитой книгой «Сказания о князьях Владимирских». В ней изложена своеобразная теория преемственности великих держав, в силу которой он доказывает, что Москва наследует Риму как мировая держава. Это положение, высказанное до него в общей форме Митрополитом Зосимой и ученым монахом одного из псковских монастырей Филофеем, Пахомий Логофет попытался обосновать фактическим историческим материалом. Более поздние исследования не подтвердили ряда фактов, изложенных в работе Логофета, но для своего времени этот его труд имел большое прогрессивное значение в арсенале идеологического оружия для укрепления русского централизованного национального (а затем и многонационального) государства.

Мы имеем полное право считать Пахомия Логофета отдавшим вторую, самую плодотворную часть своей жизни русской земле и, в частности, обители Преподобного Сергия, где он вел также очень энергичную внутримонастырскую деятельность.

В период царствования Ивана Грозного игуменом монастыря был архимандрит Артемий. Великая заслуга этого высокоученого инок

в том, что при нем и под его личным руководством и во главе с ним Троицкий монастырь, как важнейший в стране центр церковной мысли, стал пропагандистом великой идеи «об истинном разуме и об истинной вере». Это учение разоблачало антихристианский смысл тогдашней широкой практики совмещения тщательного, слепого исполнения внешне-обрядовой стороны религии с безнравственной, порочной личной и общественной жизнью.

Иван Грозный, сам великолепный знаток Св. Писания и талантливый полемист, часто урывал время от серьезных государственных дел для продолжительных откровенных бесед с Артемием и на отвлеченно богословские и на остро-злободневные государственные темы. Великий державный муж очень любил Артемия.

Наконец, во время игуменства Артемия в Троицком монастыре проживал знаменитейший просветитель XVI в. Максим Грек, в том же монастыре и почивающий. Его выдающейся деятельности посвящено наше маленькое исследование («Журнал Московской Патриархии» № 6 за 1945 г.).

Он имел громадное влияние на дальнейшую просветительную деятельность монастыря, о которой скажем ниже.

Хозяйственная мощь монастыря продолжала укрепляться и после смерти Преподобного Сергия. Если при нем принимались только денежные вклады и взносы, то в последующий период в пользу святыни начали поступать (в дар от богатых верующих, по духовным завещаниям, по обетам и т. п.) и земельные владения. Государи также неоднократно жаловали монастырю и пахотные земли (и заселенные, и пусто-порожные, и выморочные), леса, рыбные ловли и другие угодья. К концу XVI в., по неполным сведениям, ему принадлежало в 27 уездах только пашенных земель свыше 200 тысяч гектаров, не считая небольших владений в других уездах. Это, конечно, заставляло монастырь вести обширные хозяйственные операции. Часть продуктов реализовалась за деньги.

Конечно, это обременяло и тяготило монастырь; тому есть много доказательств. Но не меньшее количество доказательств и для утверждения того, что, во-первых, положение крестьян на монастырских землях (именно данного монастыря) было гораздо более легким, чем крепостных на боярских вотчинах и поместных землях в тех же уездах; во-вторых, что подавляющее большинство земельных доходов шло на благолепие обители Преподобного Сергия и на дела благотворительности в очень широком смысле слова, вплоть до продовольственной помощи целым областям в неурожайные годы. Наконец, того факта, что хозяйство не затмевало главной работы. Иноческое подвижничество давало много высоких образцов. Просветительная деятельность была предельно широкой.

Доблестью прославил себя монастырь в начале XVII в., в годы борьбы с польско-шведскими интервентами и примкнувшими к ним русскими изменниками. Этот короткий период — блестящая страница истории монастыря (исключая, конечно, период деятельности Преподобного Сергия).

Опишем эти дни так кратко, как это только возможно.

Восстановим в памяти, что первая попытка интервенции в 1604—1606 гг. провалилась. Самозванец Лжедимитрий был разоблачен и уничтожен. Но польско-литовское панство, отыскав второго «русского» самозванца, крупными силами снова вторглось на наши земли. Москву отстояли доблестные русские люди. Интервенты устроили свою воровскую «столицу» в подмосковном Тушине. Оттуда отряды интервентов

и предавших Родину изменников хищными ордами ринулись на богатый русский север. Им удалось захватить Переяславль, Ростов, Кострому, Ярославль и много других, слабо укрепленных и не успевших организовать оборону городов.

Но «споткнулись» они о твердыни Троице-Сергиева монастыря. Сюда, под защиту его крепостных стен и покров Преподобных Сергия и Никона, сбежались тысячи совершенно безоружных крестьян со своими женами, детьми и беспомощными стариками. Вооруженные силы монастыря состояли из двух сравнительно небольших отрядов под командой воевод: князя Г. Б. Долгорукого и А. Голохвастова.

23 сентября 1608 г. к монастырю подошло 15-тысячное неприятельское войско — отборные отряды во главе с лучшими полководцами Петром Сапегою и Лисовским. Первые наскоки их были отбиты. Тогда Сапег и Лисовский плотно обложили монастырь и блокировали его от всех связей с внешним миром. Началась почти беспримерная в истории средневековых войн осада. Проводали враги, что в обители не так-то много средств обороны, а главное — невероятное скопление людей. Почти все каменное и деревянное приспособлялось для примитивнейшего жилья, а больше, по словам Авраамия Палицына, «друг друга грели». «Жены чада рождаху пред всеми человеки и не бе никому со срамотою своею скрытися».

Сапег, смешивая иноческое смирение с робостью, присылает на имя игумена с братиею грамоту, в которой, обещая всевозможные житейские блага за покорность, приказывает: «Запрети попам и мнихам, да не учат воинства не покоряться». Далее он ставит перед воинами альтернативу: богатые пожалования или злая смерть. «Всех порубаем», — грозил Сапег и воинам и старцам-инокам.

Собрал смиренный игумен всех — от воевод до ветхих дедов — и единым духом все приняли текст ответа, который и ныне, более чем через триста лет, нельзя читать без глубокого волнения. «Кая бо польза, — ответили осажденные заносчивому пану, — человеку возлюбить тьму паче света и преложити лжу на истину, и честь на бесчестие, и свободу на горькую работу» (т. е. на рабство. Н. В.).

«Сидети без измены» — поклялись осажденные перед образом Троицы и мощами Преподобного Сергия.

Сапег соблазнял свою солдатню перспективой безнаказанного грабежа якобы несметных монастырских ценностей, частыми попойками возбуждал в них штурмовые настроения.

С 3 октября начался адский артиллерийский обстрел монастыря, прерываемый частыми атаками и штурмами. Страшные переживания не сломили духа осажденных. За первый год осады пал духом и перебежал к врагу лишь один монастырский служка Аска Селеван. Его родной брат отплатил предателю доблестными подвигами и истинно-героической смертью.

Осажденные почти ежедневно производили вылазки. В них принимали участие не только ратные люди. Так, например, жертвой одной из вылазок (1 ноября) пал старик-священник Левкий.

Той же осенью неприятель повел подкопы под монастырские укрепления. Но необыкновенный героизм осажденных привел к покаянию сердца многих изменников. Казак Иван Рязанцев был первым перебежчиком, указавшим место подкопов. Они были взорваны и завалены.

Сапег и Лисовский применяли разные военные хитрости. Они наводили на засады женщин и подростков, пробиравшихся за водой или за хворостом, и истребляли их. Однажды они организовали ложный штурм, сделали демонстрацию панического бегства. Но монахи с ба-

шен разглядели скрытую мощную засаду и набатным звоном почти без потерь вернули преследующих воинов в крепость.

Во все время осады в монастырском храме неукоснительно отправлялись все службы. В моменты наибольшей опасности совершались крестные ходы. Когда осажденные шли на вылазки, игумен и иеромонахи под неприятельским огнем благословляли воинов. Неоднократно неприятельские снаряды разрывались внутри храма. Раненым и контуженным, конечно, немедленно оказывалась помощь; умиравших, если они были мирянами, по обычаю того времени, — постригали, убитых и умерших от ран — выносили, но очередная служба, несмотря ни на какие условия, продолжалась. Ветхие старцы круглосуточно были в узловых пунктах обороны и скоплений людей для ободрения Св. Крестом и молитвой, а также для пострижений; менее ветхие денми получили послушание «больничных старцев» (братьев милосердия и санитаров). Все физически трудоспособные были непосредственно в рядах защитников обители.

Когда ясно представишь себе обстановку, рассчитаешь время оборонных работ, учтешь количество людей, требующих ухода и помощи, характер работ по «интендантству» крепости, когда ясно учтешь средний круг обязанностей каждого среднего инока — становится жутко и радостно. Обычные человеческие силы не могли этого вынести! Нельзя не преклониться до земли перед необыкновенным величием духа ряснофорных ратоборцев обители.

А какие «подводные камни» приходилось преодолевать! В начале ноября перебежали к врагам «дети боярские» Петрушка Ошушков и Стефанко Лешуков. Эти бородатые «дети» — злодеи, поведав врагу о страданиях осажденных, посоветовали врагам спустить в речку Коншуру воды прилегающего к крепости пруда — основного места, откуда осажденные по ночам с опасностью для жизни добывали воду. Но, как говорит летописец дней осады, не пустили этого Преподобные Сергей и Никон. Воды сошло немного; при очередной вылазке часть пруда была восстановлена.

Начиная с того же ноября месяца осажденных постигла новая страшная беда. В стены обители ворвались эпидемии. Скуднейшее питание, отсутствие овощей, гнилая вода, невероятная скученность — все это породило цыngu и дизентерию в самых тяжелых формах. Понятно, что погасить эпидемию или хотя бы изолировать заболевших возможностей не было. Главная тяжесть борьбы с «мором» опять пала на братию монастыря. Умиравших с трудом успевали приобщить Св. Тайн, постричь и похоронить. Немудрено, что эпидемии уносили прежде всего иноков. Подавляющее большинство иереев и иеромонахов умерли. Оставшиеся в живых совершенно изнемогали телом... Эпидемия, продолжавшаяся до мая 1609 г., унесла не менее половины всех находившихся в обители. Но о капитуляции и мысли не было.

Силы врагов не уменьшались. Воевода Долгорукий и архимандрит Иоасаф через находившегося в Москве келаря Авраамия Палицына обратились к царю Василию Шуйскому с просьбой о помощи. При этом правильно указывалось, что Троице-Сергиев монастырь сковывал основные силы врага для всего Севера... Но Москва и сама переживала труднейшее время — Шуйский прислал отряд атамана Останкова... 60 человек с 20 пудами пороха.

Весной 1609 г. в крепость под видом перебежчика был подослан опытный шпион и диверсант Мартьяш. Очень ловкий, прекрасно владеющий русским языком, внешне — обаятельный, Мартьяш втерся в полное доверие к воеводе Долгорукому, активно участвовал в вылаз-

ках, в рукопашных схватках, уничтожил около десяти вражеских солдат и даже был назначен начальником ночных караулов крепости. В то же время он готовил взрыв важнейших оборонительных объектов крепости и уже подготовил одновременно выведение из строя всей артиллерии осажденных в момент вражеского штурма. Но за несколько часов до осуществления своего злодейского замысла он был разоблачен и казнен. Попались и его сообщники.

Сапега решил, что эпидемия и голодная зима сломили дух осажденных, и на 27 мая назначил второй решительный штурм. Пламенно помолились осажденные Святой Троице и небесным покровителям обители, заметивши приготовления врага. Подготовились.

Страшен был штурм. Гремели орудия, засыпая снарядами внутренние дворы монастыря. К стенам придвигали подвижные башни, подносили штурмовые лестницы. У стен завязался смертный бой. Осажденные бросали во врага тряпки и факелы с серой, жгли башенки и лестницы, загоралась одежда на атакующих. Карабкающихся уже по стенам поливали кипятком, кипящей смолой и калом. Дрогнули атакующие, попятились, а потом панически побежали. Гарнизон крепости произвел стремительную вылазку. Много врагов было побито. Тридцать «панов» попали в плен.

31 июля — новая коварная попытка. К «Троице» в помощь Сапеге прибыл большой польский отряд пана Зборовского, еще большой, хотя уже и потрепанный под Тверью доблестной народной армией князя Михаила Скопина-Шуйского. Применили такой трюк: в своих таборах устроили шумный пир. В крепость послали депутацию (даже с музыкой!) с торжественным «уведомлением» о том, что Москва капитулировала, самые «упорные» города поцеловали крест польскому королевичу Владиславу и т. д. и т. п. и что армия Скопина-Шуйского наголову разбита под Тверью.

Соборные старцы с достоинством ответили, что единственное, чему бы они поверили — было бы сообщение о том, что Скопин-Шуйский под Тверью реку Тверцу перегородил вражескими трупами (это, действительно, ближе подходило к истине).

Объединенные силы Зборовского, Сапег и Лисовского произвели третий по счету отчаянный ночной штурм, столь же для них безуспешный, как и предыдущие.

Осенью 1609 г., когда истощение осажденных, казалось, достигло последней степени, враги пошли еще на одну провокацию. Они согнали на низину перед крепостью очень большое количество скота, отнятого у крестьян Калязинского, Дмитровского и других уездов, пустили его пастись впереди своих таборов, сами же, устроив засады, всячески провоцировали голодающих осажденных на вылазку.

С благословения игумена Иоасафа осажденные сделали вылазку. Умелой демонстрацией одна группа бойцов отвлекла на себя все внимание неприятеля, а другая в это же время... без потерь людьми загнала большую часть скота на внутренние монастырские дворы.

Дожили до тяжелейшей зимы 1609/1610 г. Повстанцы изгнали интервентов с севера, Скопин-Шуйский — с северо-запада. 2 января 1610 г. в крепость прорвался отряд героя Костромского разгрома интервентов Давыда Жеребцова (600 человек и обозы). 4 января Скопин-Шуйский прислал отборный отряд Валуева (500 человек); 10 января — двинулся сам. В ночь на 12 января неприятель в панике бежал от стен твердыни Преподобного Сергия, побросав исполинские обозы с награбленным добром.

Итак, в январе 1610 г. интервенты вынуждены были снять осаду.

Выстояла Святая обитель! Эти дни страды, эти факты, кратко нами описанные, не должен забывать православный русский человек. Их не вычеркнуть из истории обители, даже самой краткой. Монастырь был верен заветам своего великого основателя. Будучи средоточием веры Христовой, устами своих иноков призывающей людей ко всеобщему миру и истинной братской любви, обитель Преподобного Сергия вдохновила боевую рать и — небесным заступничеством Преподобных Сергия и Никона — превозмогла.

В 1611—1612 гг. Троице-Сергиев монастырь немало способствовал новому подъему народно-патриотического движения против интервентов. Во-первых, Москва еще долгое время подвергалась блокаде, хотя и не столь полной и продолжительной, как обитель Преподобного Сергия. Монастырь через своего, находившегося в столице архимандрита Дионисия направлял голодающей Москве обозы с продовольствием из уцелевших от вражеского разграбления монастырских сел. В раздачу нуждающимся пошел целиком хлебный запас Московского Троицкого подворья.

В дни заточения врагами в Москве Патриарха Гермогена (Ермогена) Троице-Сергиев монастырь широко поставил размножение и рассылку по городам Руси пламенных грамот великого святителя — призывов к решительной борьбе народа за честь своей Родины и веры.

Период непосредственно после изгнания интервентов с территории нашей страны принес обители массу новых хлопот. Этот период ее деятельности, к крайнему сожалению, почти не затронут историками. Из того, что нам известно, скажем, что не менее двух третей монастырских сел и деревень были сожжены и разорены интервентами и «русскими» предателями. По очень неполным подсчетам, до трех тысяч крестьянских семейств осталось без крова, не менее полторы тысячи семей осиротело. Обширнейшее хозяйство монастыря было в корне подорвано.

Но тем не менее, монастырь, предельно используя сохранившиеся в его стенах средства, вплоть до некоторых ценностей церковного назначения и привлекая продовольственные ресурсы уцелевших деревень, обеспечил и опеку многих сотен сирот и сравнительно быстрое восстановление крестьянского хозяйства на обширной территории. Пользуясь сам налоговыми и прочими льготами, монастырь распространял эти льготы на свои владения. Он бесплатно (в некоторых случаях — за самую мизерную оплату) даровал пострадавшим деревням свои рыбные ловли, соляные варницы (в том числе — высокодоходные в Нерехтском уезде), леса для построек (в том числе и очень ценные массивы в Переславль-Залесском и Ярославском уездах) и т. д. Монастырская же трапезная в 1613—1618 гг. систематически кормила такое количество нищих, сирых и убогих, которое в 5—6 и больше раз превышало общее число братии.

Первая половина XVII века в числе выдающихся деятелей дала обители Преподобного Сергия незабвенного архимандрита Дионисия и знаменитого писателя — келаря Авраамия Палицына — автора бессмертного «Сказания» об осаде монастыря. Это произведение и поныне является совершенно необходимым для всякого, кто в какой бы то ни было степени и форме знакомится с положением и событиями на Руси (и не только в Троицком монастыре) в 1604—1616 гг.

Еще не оправившись от тяжких ран интервенции, монастырь возобновляет свою научно-богословскую и просветительную деятельность.

Благодатные семена, брошенные Максимом Греком, попали на хорошо подготовленную почву. Просвещеннейшие из иноков с вдохновенным рвением приступили к пересмотру церковно-богослужебных

книг и сличению более новых списков (копий) их с древнейшими. Уже в 1616 г. эта работа сильно развернулась. В Троице-Сергиевой обители была построена типография. Именно в стенах этой обители, в ее скромных кельях была начата, принесшая столь обильные и благодатные плоды для всей Русской Православной Церкви, работа по глубокому пересмотру и исправлению богослужебных книг и по исчерпывающе полной научно-церковной подготовке их к печати.

В течение долгих десятилетий Троице-Сергиев монастырь являлся центром религиозной мысли Московского государства. Плеяда мудрых старцев — иноков монастыря того времени — далеко не ограничивается именами Дионисия и Авраамия Палицына и их ближайших сподвижников — Симона-келаря, Ивана Наседки и др. Отметим, что Симону принадлежит описание жития и подвигов Преподобного Дионисия.

Середина XVII в. блистает для монастыря именем его инока Арсения (Суханова). Имя Арсения по праву принадлежит всей русской науке и литературе. Но этот одаренный литератор получил воспитание в Троицкой обители, здесь в духовном общении с преподобными покровителями монастыря началась его духовно-литературная деятельность, здесь он прошел лестницу монастырских послушаний до поста келаря включительно, здесь же он и почил 14 августа 1668 г.

Паломничество в Троицкий монастырь (позже — в Троице-Сергиеву Лавру) делается нравственным долгом православного русского человека. Долгом совести и священной традиции считалось совершение паломничества «к Сергию» пешком. Это настолько прочно вошло в быт, что этот способ, во избежание нареканий, применялся и царствующими лицами, до Екатерины II включительно.

Лавра дала приют Петру Великому, ушедшему сюда от убийц, посланных царевной Софьей. Здесь Великий Преобразователь нашел не только убежище, но и благословение на царский престол; здесь сконцентрировались прогрессивные русские элементы, а также преданная ему часть войск.

В XVIII в. в стенах Лавры размещается духовная семинария, позже — Московская Духовная Академия. Велики заслуги старой духовной школы. «Спасибо ей!» — сказал от лица миллионов православных кормчий русского Православия Святейший Алексей, Патриарх Московский и всея Руси на открытии Православно-Богословского Института в 1944 г. Эта великая в немногих словах оценка сугубо относится к Академии, бывшей в стенах обители Преподобного Сергия, ибо она дала больше, чем другие академии, истинных архипастырей и пастырей стада Христова.

Известно также, сколь велика была и устная и печатная христианско-просветительная деятельность Лавры в XIX и в начале XX века. Можно, например, осуждать за отдельные дефекты некоторые выпуски известнейших «Троицких листов», но никто не в состоянии оспаривать их огромное значение для многих сотен приходских иереев и иноков.

Дай Бог нашей сегодняшней Православной Духовной Академии и Московской Духовной Семинарии, возвращающимся под сень Святой обители, стать достойными наследниками своих знаменитых предшественников.

Крепко, пламенно верим, что небольшой пока духовный коллектив Троице-Сергиевой Лавры с честью и великой пользой для православия и для нашей великой Родины понесет духовное знамя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца.

НИКИТА ВОЛНЯНСКИЙ

МАСТЕР ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОПИСИ — ДИОНИСИИ

Древнерусские художники-иконописцы были люди богобоязненные. В своей работе, по украшению храмов и писанию икон, они видели, благочестивый подвиг и посему не подписывали своих произведений, так как знали, что доскам, созданным ими и освященным затем церковью, будут молиться сотни и тысячи верующих, как святым иконам.

Дух гордости и профессионального самолюбия не был им так свойствен, как их современникам на Западе, подписывавшим свои произведения, даже предназначавшиеся и для церквей. Эта причина объясняет нам, почему до нас почти не дошло икон с бесспорной атрибуцией кисти того или иного мастера; этим же и объясняется, почему до нас не дошли и сами имена зачастую гениальных творцов создания вечной красоты.

До нас дошли многие произведения анонимных авторов, которые наука может квалифицировать как «произведений такой-то школы» или «произведение круга такого-то автора».

Однако счастливая случайность сохранила для нас, благородных и благоговейных потомков, имена нескольких выдающихся мастеров.

Среди этих вечно живущих имен имеется одно, которое, подобно Андрею Рублеву, притягивает к себе всех интересующихся судьбою древнерусской иконописи. Это имя художника Дионисия.

Мы не имеем биографических сведений о Дионисии. Нам известно только, что этот, как о нем говорила летопись, «пресловущий тогда паче всех в таковом деле» художник жил во второй половине XV века — в самом начале XVI века. Из тех же скудных летописных упоминаний мы можем вывести заключение, что он в противоположность большинству своих собратьев — современников не имел духовного звания, а был просто мирянин; в летописях его называют «иконник Дионисий». Работал этот гениальный мастер во главе целого коллектива — артели, среди членов которой, опять же основываясь на данных летописи и случайно сохранившемся одному настенному упоминанию, были два его сына — Феодосий и Владимир.

Самое раннее по времени сведение о художнике Дионисии находится в рукописном житии преподобного Пафнутия Боровского, написанном архиепископом Ростовским Вассианом. Отсюда мы узнаем, что между 1467 и 1477 гг. каменную церковь в Пафнутьевом монастыре расписывали живописцы Митрофан и Дионисий¹. Об окончании этой работы мы находим упоминание в летописи, из которой узнаем, что худож-

¹ Пользуясь этим житием по пересказу В. Т. Георгиевского в его мону-ментальной работе «Фрески Ферапонтова монастыря», Петербург, 1911 г.

ник, работая в церкви, «подписа ея чудно вельми и украси ея иконами... яко дивитися все и самим тем самодержцем Русской земли»¹.

Из этого краткого летописного упоминания можно заключить, что работа художника заставила о себе говорить в народе и дошла до слуха великого князя Московского Иоанна III. Из следующего летописного упоминания мы узнаем, что в 1482 г. «иконник Дионисий, да поп Тимофей, да Ярец, да Коня» уже приглашаются в Москву для работы в недавно отстроенном Успенском соборе. Имя Дионисия стоит первым и из этого, зная нравы того времени, можно заключить, что он был руководителем всех работ. Летописец дает свое заключение о выполненной художниками работе — «деисус с праздники и пророки», т. е. иконостас, был написан «вельми чудно»².

Русские летописцы в своих произведениях отмечали только особые, выдающиеся события из родной жизни; если же на их страницах мы встречаем специальные упоминания о той или иной художественной работе, исполненной тем или иным определенным мастером, то это упоминание должно было означать, что как сам факт, отмеченный летописцем, так и художник, его осуществивший, поистине представляют собою явления необычайные, достойные запечатления для вечной памяти потомков.

Так, в летописи под 1482 г. мы находим еще следующее упоминание о деятельности художника Дионисия: «В лето 1484 сгоре икона Одигитрия на Москве в церкви каменной св. Вознесения. Чудная Богородица греческого письма... сгоре до кузень (т. е. оклада. Н. С.), а доска ее отстала. И написа Дионисий иконник на той же доске и той же образ»³.

Спустя два года после работы в Московском Успенском соборе мы встречаем имя Дионисия в 1484 г. во главе артели, расписывавшей Иосифо-Волоколамский монастырь.

Насколько высоко ценились современниками работы Дионисия, мы можем судить хотя бы из следующего факта, приводимого житием Иосифа Волоцкого, написанным епископом Саввой Крутицким. Там мы узнаем, что у Иосифа Волоцкого одно время был конфликт с Волоколамским князем Федором Борисовичем, на землях которого стоял монастырь. Конфликт этот настолько обострился, что преподобный уже решил уйти из монастыря. Однако, следуя просьбам братии, боявшейся, что с уходом прославленного настоятеля захиреет их монастырь, Иосиф предпринял последнюю попытку к примирению с князем: решил подействовать на его корыстные чувства и задобрить его ценными подарками: «И начат преподобный князя мздой утешати и посла к нему иконы Рублева письма и Дионисиева»⁴.

Уже одно само сопоставление имен Рублева и Дионисия может показать нам, как высоко почитался этот художник своими современниками.

Все великие русские мастера иконописи принимали деятельное участие в стенных росписях храмов и соборов. Однако, до наших дней почти не дошло этих работ. За протекшие, со дня их создания, столетия они неоднократно подновлялись, переписывались, реставрировались или просто, согласно моде своего времени (например, в XVIII начале XIX века) сбивались со стен, чтобы уступить место «итальянизированным» или псевдоклассическим картинам на духовные сюжеты.

¹ Полн. Собр. Русск. Летописей. Т. VIII, стр. 183—184.

² Русский Временник, т. II, стр. 168.

³ Софийский Временник, т. II, стр. 225.

⁴ Цитирую по указанной работе В. Т. Георгиевского, стр. 26.

С этой точки зрения Дионисию «повезло». Известный русский искусствовед В. Т. Георгиевский перед первой мировой войной обнаружил и опубликовал¹ стенные росписи Дионисия и его сыновей, сохранившиеся в полной неприкосновенности в бедном заштатном Ферапонтовском монастыре в Белозерском крае. Монастырь лежал в стороне от глаз «ревнителей» благолепия и этим сохранил для потомства бесценную роспись великого мирового художника XV века.

На одной из стен этой соборной церкви сохранилась довольно разборчивая надпись: «В лето 7008 (т. е. 1500 г. Н. С.) месяца августа в день Преображения Господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывати церковь и кончено на второе лето месяца сентября 8 день Рождество Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы Марии при великом князе Иване Васильевиче всея Руси... а писцы Дионисий иконник со своими чады»...².

Вся роспись церкви посвящена прославлению Богоматери; на стенах собора мы находим композиции из жития Пречистой Девы, иллюстрации к акафисту Рождества Богородицы.

Время, протекавшее между росписями Феофана Грека (см. нашу статью в № 1 журнала за этот год) и настоящей работой Дионисия, не прошло бесследно в общей эволюции русского искусства. Перед нами предстают работы этих мастеров, как принципиально различные стадии в развитии русской живописи. В своем творчестве Феофан Грек, как мы наблюдали, мыслит яркими живописными пятнами, контрастными переходами света и тени, с помощью которых как бы вылепливает свои фигуры и заставляет их выступать со стен. Эти приемы и представления монументальной живописи переносились художниками и в свои чисто станковые произведения.

В творчестве Дионисия (точно так же, как и в значительной мере в работах А. Рублева) мы наблюдаем иной эстетико-стилевой принцип, к которому к этому времени пришла русская иконопись. Этот принцип, к которому пришла в своем развитии русская иконопись (в первую очередь именно благодаря расцвету чисто станковых произведений), может быть охарактеризован как принцип линейный, в значительной мере плоскостной.

Если в стенных росписях Феофана Грека и его современников мы наблюдали как бы безудержное торжество цвета, то росписи Дионисия поражают зрителя своей исключительной ритмичностью линий, передающих задуманную художником композицию. Интересам этого линейного ритмического звучания художник подчиняет фон и аксесуары, окружающие главную фигуру. Задачами этого же самого линейного ритма, композиции, вероятно, приходится объяснить и ту характерную особенность в трактовке художником человеческих фигур. Они, подобно произведениям многих его современников и в частности Рублева, — постоянно удлинены, устремлены ввысь, как бы парят на воздухе.

Правы будут на наш взгляд авторы последнего по времени исследования древнерусской живописи, когда замечают по поводу эстетической концепции художника: «В его мире господствует гармония, уравновешенность, идеальная завершенность; конфликт, внешние движения, либо отсутствуют, либо разрешаются в рамках картины... Для фигур Дионисия соответственно характерна экспрессия единственного жеста: статика фигуры нарушается лишь одним, внешне не энергичным, физически еле выраженным, но внутренне насыщенным, многозначительным

¹ В. Т. Георгиевский, цитированные выше работы.

² Там же, стр. 17.

движением, которое становится сосредоточием образа и даже всей картины»¹. Всего этого художник достигает лишь движением линий силуэта фигуры, включенного в общую композицию линий фона ее окружающего.

Точно так же результатом влияния традиций станковой живописи можно будет объяснить стремление художника дать детали и подробности в одеждах и фонах фигур. Одежды святых на фресках Дионисия исполнены мельчайших украшений (часто даже практически не различимых на расстоянии); здание, окружающее фигуры, также снабжено тщательно выписанными затейливыми орнаментами.

Влиянием традиции той же станковой живописи, в которой долго работал художник, можно объяснить и его красочную палитру. Она мягка и приглушена. Краски на стенных росписях Дионисия, точно так же как и на его станковых произведениях, не является самоцелью, а служат как бы дополнением или усилением к тому психологическому эффекту, которого добивается художник с помощью ритмического спокойствия своих линий. Все в творчестве Дионисия подчинено единой цели: успокоить, обрадовать зрителя. Этому служит как сам рисунок, так и краски.

В заключение статьи остановимся на кратком анализе нескольких станковых произведений замечательного мастера XV века, из числа имеющихся в Третьяковской галерее.

Посмотрим попристальнее на его Одигитрию. Все особенности, отмеченные нами в фресковой живописи Дионисия, найдем мы и в этой иконе. Изумительная цветовая гамма, в которой разрешена вся композиция, невольно заставляет вспомнить лучшие работы Рублева. Это цветовое спокойствие и благодность иконы подчеркиваются и усиливаются самим композиционным ее построением. Оно статично, но вместе с тем не тяжело. Мастер делает все, чтобы вызвать у зрителя — молящегося ощущение прочного спокойствия и сосредоточенности. Она не волнует, как, например, изумительная икона Донская кисти Феофана Грека, которая вся создана из острых мятущихся линий, контрастирующих красочных тонов. В Одигитрии Дионисия краски поэтично успокаивающие, зовущие к сосредоточенному размышлению, молитве.

В Галерее есть несколько икон из Деисусного чина Ферапонтова монастыря. Посмотрим попристальнее, например, на изображение Архангела Михаила. Мастер в станковом произведении использовал те же приемы, что и в своей монументальной росписи. Удлиненная фигура Архангела ритмична, стройна, уместилась в рамках продолговатой доски. Благородный наклон головы придает всей фигуре особое ощущение изящества и вместе с тем небесного величия. Как и в фресках, художник с особой любовью, детально вырисовывает одежду Архангела, драгоценные камни и жемчуг, усыпавшие его золотой воротник; желтые сафьяновые сапоги, украшенные красными затейливыми нашивками. С такой же тщательностью выписывает художник и завитки волос на сложной прическе, украшающей голову Архангела.

В Галерее есть величественная картина кисти Дионисия, изображающая во весь рост, в святительских одеждах, Митрополита Алексия, благословляющего молящихся. Со всех сторон образ святого окружен 18 медальонами, передающими сцены из жития Святителя — от его

¹ Б. Михайловский и Б. Пуришев. «Очерки истории древнерусской монументальной живописи». Изогиз. Л. 1941 г., стр. 47.

рождения, учения, пострижения, исцеления жены хана и до кончины и обретения мощей. Первое, что поражает зрителя на этой иконе, — это опять все те же изумительные краски, чудесная цветовая гамма, в которой выполнены как само изображение Святителя, так и сцены из его жития. Здесь художник предстает перед зрителями с новой стороны — почти миниатюриста, являясь как бы одной из связующих линий той высокой Московской школы, представителем которой он был и работы которой парадно украшали соборы, с мастерами-миниатюристами, так называемой Строгановской школы, блестящее развитие которой приходится на вторую половину XVI—XVII вв.

Н. СЕРГЕЕВ

ГОРДОСТЬ РЯЗАНИ — МИТРОПОЛИТ СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

«...Целую последним целованием и тебе, двадесятотрилетний возлюбленный мой престол, Богоизбранная дражайшая паства моя». В таких отечески трогательных выражениях обратился в предсмертном завещании Первоиерарх Российский Стефан Яворский к своей Рязанской епархии, титул коей с завидной для провинции честью он пронес на протяжении всех двадцати трех лет своего выдающегося архиерейства.

Готовясь к исходу из сей жизни, больной, 62-летний Первоосвятитель выразил в том же завещании пожелание, чтобы тело его погребено было в престольном епархии его граде, Переславле Рязанском (как тогда называлась теперешняя Рязань) — «Если на это соизволит Государь Император и благословит Святейший Синод». Завещание заканчивалось молитвенным обращением: «Всеусердно прошу и молю: молитесь о мне ко Господу Богу, яко да милостива Того обрящу в день судный и да вселит мя, идеже глас радости вечныя. Еже и вам всем получите желаю. Аминь».

Так, не взирая на блеск и шум столичной придворной жизни, на высоту занимаемого им положения, первенствующий Митрополит, тогда «президент Святейшего Правительствующего Синода», не мог заглушить в себе теплой привязанности к своей скромной провинциальной Рязани, коей завещал и свои архипастырские любовь и благословение, и свои посмертные останки.

Скончался преосвященный Стефан в третьем часу пополудни 27 ноября 1722 г. в Москве, на Лубянке, в своем Рязанском подворье. В тот же день тело его было вынесено в Троицкую при Рязанском подворье церковь, где оно и стояло до 19 декабря, т. е. до прибытия в Москву императора Петра и членов Св. Синода.

Отпевание в Бозе почившего иерарха с большой торжественностью совершено было Вице-президентом Св. Синода, архиепископом Новгородским Феодосием совместно с прочими синодальными членами 20 декабря в церкви Успения Пречистой Богородицы, именуемой Гребенские, куда перенесено было тело усопшего из Троицкой при Рязанском подворье церкви. По совершении чина отпевания гроб, вынесенный из церкви, был поставлен в убранные парчей и бархатом сани и под звон московских колоколов, сопровождаемый богатым сонмом столичного духовенства, следовал до окраин столицы — до Андроникова монастыря. Пред гробом несли свечу в лампаде патриаршей и архипастырский жезл почившего, обвитый черным флером. Коней вели цугом 30 человек солдат с факелами, в мундирах и черных плащах.

27 декабря тело усопшего архипастыря было привезено в Покровский, что под Переславлем Рязанским (теперешняя Рязань), монастырь,

и того же числа, с процессией от Троицкого монастыря до собора было несено священниками. Домовые дети боярские, в числе 30 человек, в черных плащах с факелами, впереди процессии вели цуг коней, впряженных в те сани, на коих было везено тело от Москвы. Во всех церквах по пути процессии производился колокольный перезвон. По совершении последней панихиды тело архиепископа было погребено в Рязанском Успенском соборе, на правой стороне, у самого иконостаса.

При возобновлении Успенского собора в 1799—1804 гг. гроб с останками святителя был перенесен с подобающей честью в древний Архангельский собор, под сводами коего исстари погребались Рязанские архиепископы; здесь он положен в алтаре, на правой стороне, где ризница¹.

Интересно отметить, что со смертью митрополита Стефана, конечно, независимо от него, Рязанская епархия как бы сразу лишилась своей бывшей славы и из митрополии превратилась в рядовую епископию, от коей вскоре был отчислен в город Тамбов.

Начиная настоящую свою статью словами завещания митрополита Стефана, мы были бы неправы, если бы обошли молчанием и другую завещательную волю почившего выдающегося святителя, имея в виду исключительную любовь сего иерарха к книгам. Находясь уже на одре болезни и ожидая исхода смертного, митрополит Стефан написал в трогательных стихах (на латинском и славянском языках) «Последнее целование книгам». Это прекрасное стихотворение, ставшее лебединой песнью Рязанского архиепископа, как зеркало, отображает всю возвышенность духовного облика святителя. Вот оно:

Э Л Е Г И Я

О, как вы часто в руках моих, книги, бывали светом моим, утешеньем.
Вас я теперь покидаю; щедро питайте других, изливайте им ценное миро;
Взор мой, от вас удаленный, увы, мне больше не станет душу мою насыщать.
Вы — мое миро, мой мед, моя сладость, и с вами мне было так сладко, отрадно,
Вы мне богатством и славой великою были, раем, предметом любви.
Дали вы мне и любовь свою, свет и доставили почести знатных...
Рок, неизбежный для всех, и меня увлекает теперь, лишая отрады безоблачных дней.
Вас я отныне не буду тревожить, на веки смыкаются веки уставших очей.
Вечная книга теперь пред очами моими раскрылась; Бог отверзает ее;
Каждый прочтет в ней и речи свои, и деянья, мзду воспримет за все.
Страшная книга!.. Она пред судищем откроет скрытые ныне дела.
В мыслях ее открываю... трепещут все члены.
В сердце вонзилась стрела.
Бог мой, Отец мой, щедрый дотатель всех благ!
Нежного чувства родник; моря, земли и далеких небес обладатель,
Бури смиряющий в миг, Ты управляешь так мудро путями созвездий,
Выслушай червя — меня и запиши мое имя Христовою кровью.
Он — вся надежда моя, Вы же прощайте, тисанья, жилище и... книги, трудно
добытые мною.
Люди, все люди — и братья, и старцы — прощайте!
Мир покидаю земной.
Общая мать! Прими мое бранный тело: душу дам небу, — а кости, родная, тебе.

(Перевод Иванова, Труды Ряз. Уч.-Архив. комисс. 1891 г., т. VI, № 6, стр. 88—87).

¹ Такие подробности мы заимствуем из статьи В. Самарянова, помещенной в книге «Празднование 800-летия г. Рязани», изд. 1896 г.

Щедро озаривший север нашей страны светом своих дарований, Митрополит Стефан и по происхождению, и по образованию был южанин. Его имя числится в славном созвездии таких имен, как святителя Димитрия Ростовского, Лазаря Барановича, св. Иоанна Максимовича, св. Феодосия Черниговского, Варлаама Ясинского и других. Родился он под небом благословенной Украины, в г. Нежине, куда родители его, принадлежавшие к шляхетскому сословию, переселились из Галиции. В качестве памятника по себе митр. Стефан оставил в Нежине основанный им Благовещенский монастырь, называемый им «Нежинский Богородичный Назарет». Год рождения митр. Стефана — 1660-й; мирское имя — Симеон.

Получив еще дома прекрасное воспитание и образование, Симеон поступил в знаменитую тогда Киево-Могилянскую коллегию, где сразу же обратил на себя внимание иеромонаха и проповедника Киево-Печерского монастыря, впоследствии митрополита Киевского, Варлаама Ясинского, который, взяв под свое покровительство богато одаренного юношу, направил Симеона для дальнейшего образования в заграничные школы, находившиеся в руках иезуитов: в Львовскую и Люблинскую, где Симеон преимущественно слушал философию, а затем, — в Познанскую и Виленскую, где изучал богословие. Для права поступления в католические школы Симеону пришлось притворно принимать унию и превращаться в Самуила. Возвратившись по окончании образования к своему покровителю и отрекшись, конечно, от униатства, Симеон так блистательно сдал экзамен по тем предметам, которым он обучался за границей, и выявил себя недюжинным поэтом, что получил название «лауреата поэзии» (poeta laureatus). По убеждению митр. Варлаама Ясинского, Симеон в 1690 г. принимает монашество с именем Стефана и делается официальным проповедником-преподавателем риторики, пиитики и богословия в Коллегии Киевской епархии. Титул игумена Стефан получает в 1698 г. (Никольского пустынного монастыря). Исключительная находчивость, меткое остроумие, поразительная теплота чувств, начитанность, основательнейшее знание Библии, живость ораторских движений и разнообразие приемов, — все это быстро составило громкую славу замечательному проповеднику.

В 1700 г., при восстановлении Переяславской кафедры, Митрополит Варлаам Ясинский не находит более лучшего кандидата для замещения последней, чем 40-летнего игумена Стефана, коего с этой целью и направляет в Москву к Патриарху Адриану. Приезд Стефана совпал со смертью любимца Петра, знаменитого боярина-полководца, фельд-маршала Алексея Семеновича Шеина, для произнесения надгробного слова над коим во время устраиваемых с особой пышностью похорон требовался блестящий проповедник. Такого в Москве среди столичного духовенства не оказалось, и приезд киевского «лауреата поэзии», — о коем как о проповеднике гремела уже слава, — пришелся как нельзя более кстати. Богатая природная одаренность при высоком и всестороннем его образовательном уровне выявилась сразу же с такой яркостью и силой, что буквально всех покорила, захватив и самого Петра, который не колеблясь со свойственной ему стремительностью принял соответствующее решение о приезде выдающегося монаха. Судьба Стефана была решена. В планах Петра скромная Переяславская кафедра отошла уже на задний план, а приезжий киевлянин стал предноситься как самый подходящий на его взгляд кандидат на ведущее среди епископата место. В обход последовательных ступеней иерархической лестницы, приезжий провинциальный игумен получает белый клобук с определением на ближайшую к Москве Рязанскую

митрополию, оказавшуюся к тому времени вакантной. Однако такой головокружительный ход служебной карьеры не только не опьянил Яворского, но прямо-таки испугал, убив у верного сына Украины все мечты и планы насчет лелеянного им устройства под небом своей прекрасной родины. Вопреки монашескому послушанию Стефан посмел даже решительно отказаться, но ничего не вышло, и ему приказано было готовиться к посвящению на 16 марта. В назначенный день собралась власть в собор, начался благовест к литургии. Стефана нет. Послали за ним на Малороссийское подворье, — и там нет его: уехал в Донской монастырь. Послали туда — Стефан и на этот раз все же отказался поехать на хиротонию. Патриарх Адриан донес царю; тот в гневе потребовал от Стефана объяснения его недопустимого поступка. Помимо сильной привязанности к родной Украине, у Стефана были и другие причины отказа, среди коих были и привитые ему, особенно — в униатских школах, предубеждения против всей церковной жизни в Великой России¹.

Как человек предусмотрительный, Стефан не мог не считаться и с теми недоброжелательством, неприязнью и злостными интригами, коих он вправе был ожидать от завистливых москвичей-церковников. Конечно, может, были какие и другие неизвестные и непонятные нам причины, но все представленные объяснения были восприняты лишь как отговорки, показывающие нежелание намеченного кандидата быть епископом в Великой России. Ослушника царской воли Петр все же не подверг изысканию, но приказал решительно спешить с хиротонией, каковая и состоялась 7 апреля 1700 г. Престарелый, мучимый болезнью, Патриарх Андриан на этот вторичный раз не мог или не хотел принять участия сам в рукоположении и поручил последнее Трифиллию, митрополиту Сарскому и Подонскому.

В день хиротонии, после литургии в Успенском соборе, новопоставленный Рязанский митрополит от соборной церкви до Рязанского подворья ехал в патриаршей карете, сопровождаемый многочисленной свитой из духовных и светских лиц. 17 мая в покоях Рязанского подворья новым митрополитом был дан торжественный обед, на коем присутствовал и сам царь Петр Алексеевич с боярами и приближенными.

Первое знакомство митрополита Стефана с Рязанью состоялось 9 июня. В своем благословенном жребии новый архипастырь был встречен весьма торжественно и приветливо: его сретали с многолюдным крестным ходом в загородном монастыре, откуда, облаченный в мантию, святитель шел пешком, с крестным ходом. Свою новую, Богом врученную паству митрополит Стефан приветствовал в соборе прекрасной речью, после коей был отправлен торжественный молебен.

Слово, бывшее послушным орудием в устах Стефана Яворского, и здесь, в Рязани, как недавно и в Москве на шеинских похоронах, сделало свое дело: рязанцы были побеждены своим новым, златоустым архипастырем, сразу завоевавшим прочные симпатии. Полюбилась и Рязань Стефану: тихая, патриархальная, утопающая вся в садах и зелени. Рязань напомнила святителю-украинцу близкий сердцу его Нежин и всю тонущую в садах Украину. На всех последующих этапах архиерейской жизни Стефана Рязань была неизменным «престольным епархии его градом», верность коему он сохранил до гробовой доски; с именем «Рязанского» он отошел в вечность и записан на всех скри-

¹ Так, например, Стефан пояснял царю, что в Великой России могут называть его и «ляшенком» (полячишком) и «обливанником» и чуть ли... не еретиком.

жалях истории. Рязань, можно сказать, примирила Стефана с Великой Россией и сгладила горечь первых столичных переживаний. Надо помнить, что Стефан, помимо личных симпатий и антипатий, свойственных каждому человеку, имел и основательные, объективные причины быть недовольным Великой Россией, так как в его время в Малороссии была еще неизжита неприязнь к Москве за переход Киевской митрополии из ведения Константинопольского Патриарха. Будучи воспитан во взглядах и традициях галицко-украинских, Стефан неблагоприятно смотрел и на все обычаи и воззрения «москалей». Оскорбляло Стефана и то еще, что одновременно с его назначением было введено такое «новшество», как учреждение Монастырского приказа, значительно сократившего и власть, и доходы архиереев. Следует и еще добавить, что первый руководитель нового приказа, назначенный Петром, Мусин-Пушкин по своим личным качествам мало соответствовал своей должности, постоянно вмешиваясь в дела патриаршего управления и, являясь карьеристом, старался лезть в доверие Петра за счет компрометирования и урезывания прав и положения архиереев. Для книжного инока, привыкшего к научной и созерцательной жизни, каким был Стефан, завидное на наш взгляд его назначение для него самого ни в коей степени не было счастливым достижением.

Не было «достижением» назначение Стефана и для Петра, который, будучи опытным в административных и материальных делах, оказался введенным в ошибку тонкой изощренностью униатско-иезуитических школ воспитания, научивших Стефана искусно скрывать под шумихой и блеском кажущейся прогрессивности и либеральности староцерковное, реакционное «нутро», — качество и по сии дни сохранившееся в католичестве. До крайности светский, артистически-светский по своим словам и приемам проповеднического и писательского воздействия на слушателей и читателей, Стефан по существу был не только просвещеннее престарелого Адриана, но во многих отношениях и упорнее, настойчивее последнего. Если у Адриана антагонизм с Петром зиждился на таких чисто внешних вещах, как «брадобритие», то корни расхождения Стефана с Петром были несравненно существеннее и полновеснее.

Десятому (по счету) Патриарху, каковым пришлось быть святителю Адриану, Господь судил занимать и патриарший престол в течение десяти лет (1690 г. 24 августа — 1700 г. 15 октября). Адриан, ранее Казанский митрополит, был выдвинут на центральное церковное место, как «крепкий стоятель» за старые, исконные устои церковно-русской жизни царицей Наталией Кирилловной. Нисколько не сочувствуя иноземным обычаям, но не будучи нисколько в силах противостоять им, Адриан все же пробовал демонстрировать такие свои симпатии (при казни стрельцов в 1689 г. Патриарх ходил в Преображенское с иконою Богоматери, но был грубо отослан обратно Петром. Не благословлял насильственного пострижения царевны Софии с именем Сусанны в Ново-Девичьем монастыре и Марфы Алексеевны с именем Маргариты — в Александровском-Покровском. А приказание Петра о пострижении сосланный в Суздальский Покровский монастырь царицы Евдокии Феодоровны Лопухиной задержал на целый год). Положение Патриарха Адриана было вдвойне тяжелым и трудным: вынужденный в конце концов замолчать по поводу противного старинным русским обычаям брадобрития, Патриарх подвергся жестоким нареканиям в народе. Вконец ослабевший, тяжело больной Адриан в 1696 г. подвергся параличному удару, повторившемуся в 1700 г.

После смерти Патриарха Адриана Петр не повелел созывать епи-

скопов для избрания нового Патриарха, а просто поручил управление патриаршими делами Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому, с именем «Экзарха Святейшего Патриаршего престола, блюстителя, Администратора и попечителя Академии». Яворский принял в свои руки кормило Церкви в исключительно тяжелое время, — что признается как всеми современниками, так и последующими историками. Появившийся раскол не только не ослабевал, но усиливался, захватывал не только простых людей, но и монашество и даже архиереев (Арсений, Митрополит Ростовский). Все более и более распространялось по всей России убеждение, что св. православной вере грозит совершенное уничтожение. Вожаки раскола убеждали народ идти на страдания и смерть, как на жертву, угодную Богу.

Положение Стефана было двойственным: обязанный по своему официальному положению защищать петровские преобразования и нововведения, он в душе им нисколько не сочувствовал. Особенно претили Стефану иностранно-немецкие (лютеранские) просвещение и обычаи, широко проникавшие в Россию, все более и более захватывавшие служилые верхи. Верховный пастырь Православной Церкви, каковым был Стефан, нес все трудности, налагаемые на него в деле охраны устоев веры и благочестия, и молча, где и как мог, противодействовал им.

Считая себя ответственным представителем церковной власти, Яворский зорко следил за моральным состоянием русского общества и смело порицал порок везде, где находил таковой. Так как, по мнению Стефана, новый порядок общественной и частной жизни, вводимый Петром, в угоду широкому наплыву иностранцев, способствовал быстрому развращению исконных нравов русского народа, то естественно, что Стефан, и по своему положению и по личному настроению не только не сочувствовал таковому, но и многие из них, или лучше — злоупотребления через них — не только обличал, но и строго карал.

Россия распадалась на две партии: на партию старины и обновления. Стефан, всецело сочувствовавший первой, должен был, в силу своего положения, лицемерно поддерживать до поры до времени вторую. Борьба с расколом и особенно с неметчиной, с протестантством, заняла все святительство Яворского, с каждым годом усиливаясь все более и более. Опасность такой борьбы заключалась в том, что немцы-протестанты занимали высокие государственные должности, имели влияние на Петра, а тот в свою очередь старался не обижать их как полезных в переустройстве различных сторон государственной жизни. Только одни немцы-протестанты могли иметь тогда свои «кирхи», чего были лишены католики. Будучи строгим приверженцем прав, ученья и обрядов Православной Церкви, Стефан прекрасно сознавал свою, впитанную еще в униатско-езуитских школах нетерпимость к немцам-протестантам, свою «несозвучность» преобразовательной эпохе и потому не переставал постоянно проситься «на покой». Озабочиваясь, чтобы немецко-лютеранские воззрения не проникли в Русскую иерархию, Стефан не раз писал письма, чтобы отнюдь не допускали до епископства Феофана Прокоповича, образ мыслей коего Стефан находил неправильным. Но как ранее Петр отстоял посвящение избранного им самим Стефана, так и позднее Петр оказался тверд в выборе Феофана.

С чисто-церковной стороны наиболее блестящим периодом деятельности Стефана Яворского была первая половина его служения — примерно до 1712 г., когда произошла неприятная история с его словом «О хранении заповедей Господних», сильно не понравившимся Петру и озлобившим его, так что царь не стал более скрывать своего нерасположения к недавнему своему любимцу и в лучшем случае только тер-

шел его. Подавленный последним обстоятельством, впечатлительный Стефан сразу как-то ушел в себя, замкнулся и стал смотреть на свою жизнь и святительство, как на «догорание».

Открывшаяся в Москве в 1713 г. и получившая быстрое распространение лютеранско-кальвинская ересь доставила много мучительных терзаний Стефану, который, опасаясь усиления вреда в смысле проникновения ереси в толщу народа, отложив в сторону всякое чело-векоугодие и страх перед сильными мира, мужественно встал на защиту попираемого православия и, напрягши все силы своего ума, пишет знаменитую свою апологию «Камень веры» (полное заглавие: «Камень веры православных Церкви Святыя сынам на утверждение и духовное назидание, претыкающимся о камень преткания и соблазны — на вос-стание и исправление»). Исполненный святой ревности к православию и воодушевления Стефан с исключительной силой поднял в этой книге свой смелый голос против начинавших развиваться антиправославных взглядов и верований. «Это была лучшая, высокая минута в его жизни», — говорит один из исследователей жизни и деятельности Яворского. Прославившееся не только в России, но и за границей знамени-тое творение Стефана имело вначале довольно печальную судьбу.

Несмотря на одобрение книги в рукописи Петром, при жизни Сте-фана «Камень веры» так и не был отпечатан; книга увидела свет лишь шесть лет спустя после смерти Яворского (в 1728 г.). Поборниками лютеранства против книги была поднята настоящая война, и книга вскоре была изъята из обращения; появились всякие скверные паскви-ли на прекрасную книгу, вроде «Молотка на камень», наполненные грубо-неприличной руганью и бранью, противоречившего святителя, стойкого ратоборца за чистоту православия. Ложь и поношения были авторитетно опровергнуты архиепископом Феофилактом Лопатинским. Все же за защиту «Камня веры» имелись и пострадавшие, в частности, Киевский Митрополит Варлаам Войнатович, великолепно издавший в Киеве «Камень веры», по вызове в Тайную канцелярию был лишен сана и выслан в Белозерский монастырь. Друг покойного — Феофи-лакт Лопатинский, (архиепископ Тверской), за одно одобрение «Камня веры» был подвергнут в той же канцелярии жестокой пытке: 3 раза подымали его «на виску» и 3 раза били батогами без рубахи, после че-го, объявив лишенным сана, заключили в Петропавловскую крепость. Жутко писать об этом в теперешние дни!

Наезды в свой архипастьрский «жребий», в тихую Рязань, успо-каивали и умиротворяли мятущийся дух утесняемого Первосвятителя. Особенным предметом попечения и забот митр. Стефана был велича-вый Успенский собор, составляющий и по сие еще время церковно-архитектурную гордость Рязани. В 1700—1702 гг. по распоряжению митр. Стефана, на его средства (по тем временам крупная сумма — 12.500 руб.) был позолочен иконостас и написаны св. иконы в Соборе. 15 августа 1702 г. красавец-собор был торжественно освящен. В 1703—1704 гг. митр. Стефан поставил на соборе 4 новые главы, а среднюю, сброшенную бурей, поставил вновь. В 1706 г. позолотил кресты на гла-вах. В тот же год митр. Стефан ездил из Рязани в Киев. В 1707 г. перед собором была устроена площадь. Победа над шведами (под Полтавой) праздновалась в Рязани целых пять дней, в течение коих раздавался непрерывный звон.

В 1711 г. митр. Стефан, приобретший в Москве у немецкого купца железа, перекрыл Рязанский Успенский собор. В 1712 г. митр. Стефан выписывал из Москвы каменных дел мастеров для ремонта собора.

В 1714 г. поновлен чтимый в Рязани образ Феодотьевский Божией Матери.

...О проповедях и вообще о литературной деятельности митр. Стефана Яворского, каковые сам он признавал своим особым призванием, много уже писалось, и эта сторона деятельности Яворского является наиболее известной и изученной, помимо исследований и комментариев, в своих дошедших до нас непосредственных, письменных оригиналах. Помимо печатавшихся в разное время и в разных местах проповедей Стефана Яворского, часть таковых, в числе 29, в 1804—1805 гг. была издана особым сборником. В рукописях сохранилось около 200 проповедей, разделяющихся по своему содержанию на: а) догматические, б) нравственные и в) торжественно панегирические, говорившиеся по особым обстоятельствам (то по случаю войны со шведами, то по поводу измены Мазепы, то на войну с Турцией и т. д.). Во всех проповедях последнего порядка митр. Стефан являл себя восторженным панегиристом Петра, убежденным сторонником всех реформ и предначинаний его, пока те не шли в разрез с исконными русско-православными устоями. Не только деятельности и подвиги Петра, но и природные дарования, знания, трудолюбие и даже... рост царя, — все это воспевалось в особо возвышенном, напыщенном тоне, зачастую — с высокопарными, тяжеловесными заголовками вроде: «Жатва торжественная, мечными серпами российских победоносцев, на Марсовых Ливонских полях, в самое жатвенное время, т. е. в месяце июлии и августе, в году 1704, егда преславные города Нарва и Дерпт крепкого Российского воеводства рукою пленены быша, собрана и на триумфальную колесницу, от Езекиилева пророчества составленную, возложена в Москве, в начале лета 1705». Конечно, нечего говорить, что все подобные «викториальные» проповеди, принимаемые Петром весьма благосклонно, произносились Стефаном в течение первых одиннадцати годов местоблюстительства. Проповеди второго порядка, т. е. на нравственные и нравообличительные темы, являются лучшими. Здесь митр. Стефан не отходит от предмета в сторону, не вдается в мистику, не прибегает к туманным аллегориям, а говорит прямо, с горячим, неподдельным чувством. Эти-то проповеди, вроде упоминавшейся выше «О хранении заповедей Господних», и сыграли роковую роль в служебной карьере митр. Стефана, воспринятые Петром и его сановниками как направленные лично против них.

Вот примеры из таких обличительных слов:

«Глянешь на начальников — растление, глянешь на подчиненных — растление, глянешь на приказы — растление, глянешь на посыльщиков, которые, яко пиявицы, кровь пьют из людей убогих, снедаючи люди вместо хлеба; о коликое узищи растление» (проповедь 1712 г. «Христ. чтение», 1867 г., ч. I, стр. 829) или в той же проповеди: «Законы человеческие о коликое имут расстояние от закона Божия! Закон Господень непорочен, а законы человеческие бывают порочны. Какой бы то закон, например, поставити надзирателя над судьями, и дати ему волю, кого хочет обличити, да обличит, кого хочет обесчестити, да обесчестит».

Проповеди догматического характера направлены в большинстве против распространявшихся в русском обществе лютеранских взглядов, вследствие наплыва в Россию немцев. Проповеди этого рода или, вернее — слова — являются весьма полноценными по своему содержанию, развиваясь часто в целые богословские трактаты.

Излагая положительное учение Православной Церкви, проповедник не оставляет без внимания и противников — лютеран и кальвинистов. Имена еретиков Лютера и Кальвина митр. Стефан никогда не произно-

сит спокойно, но в пылу ожесточенной полемики снабжает всякими ругательными эпитетами: «сквернейшия», «мерзкое козлище», «прескверные», «христоненавистные» и проч.

Являясь по своему времени большим мастером проповеди, Яворский произносил их прекрасно, сопровождая мысли и чувства свои различными жестами. Даже враги и те признавали исключительные проповеднические дарования Стефана, который нередко мог заставлять своих слушателей проливать слезы. По своему характеру проповеди Яворского являются шедевром схоластики, все утонченные свойства коей нашли в проповедях Яворского самое широкое выражение и приложение. Впрочем, каковы бы ни были свойства проповедей Стефана Яворского, отделенного к тому же от нас двумя с половиной веками, они, эти проповеди, теперь забыты. Таков удел и всех вообще церковных проповедей, которые умирают... раньше самих проповедников.

...В день празднования иконе Б. М. «Знамени» (27 ноября) в Рязанском соборе произносится «Вечная память» приснопамятному Стефану митрополиту Рязанскому». Присоединимся и мы к тому же молитвенному обращению и, мысленно склонившись над его могилой, с своей стороны также скажем: «Вечная тебе память, великий Святитель, явившийся гордостью Рязани!»

АРХИЕПИСКОП ДИМИТРИЙ (ГРАДУСОВ)

О ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Вопрос об языке нашего русского православного богослужения принадлежит к числу жизненных вопросов, правильный ответ на которые надо всегда знать, чтобы избежать всех опасностей, связанных с недуманным и быстрым решением их.

Вопрос об языке нашего богослужения время от времени вспыхивал в последнее столетие не раз.

Он имеет значение и в наше время, когда в состав Русской Православной Церкви входят много разных национальностей, имеющих свой литературный язык: украинцы, белоруссы, эстонцы, латыши, литвины и др. У некоторых из них проявляются тенденции совершать богослужение на своем родном языке. Все рационалистические секты и расколы в Русской Православной Церкви всегда начинали с гонения на церковно-славянский язык.

Сравнительно недавно пришлось пережить сильные нападки на церковно-славянский богослужебный язык от своих же соотечественников. Они говорили: церковное богослужение должно совершаться на родном языке, церковно-славянский язык умер, церковная жизнь требует живого языка, церковно-славянский язык для народа — чужой язык.

В краткой заметке мы дадим прежде всего ответ, является ли церковно-славянский язык — чужим языком для русского народа и есть ли он мертвым языком?

Нынешний церковно-славянский язык наших богослужебных книг произошел из древне-славянского языка в соединении с элементами живого русского наречия. Древне-славянский язык св. Кирилла и Мефодия по корням своим есть язык близко родственный русскому. Русский народ, приняв литературный богословский язык от болгар, не рабски воспринял его, а переработал его в своем сознании, влил в него элементы своего духа. Все исторические памятники древне-русской литературы свидетельствуют, как происходил процесс слияния славянского языка с живой русской речью и как он продолжается и в настоящее время в условиях органического слияния.

Почти все корни слов и их значения общи у церковно-славянского языка с русским. В этом легко убедиться всякому, кто обратился бы с этой целью к богослужебным книгам. Из общего количества слов, употребленных в самой трудной славянской книге — псалтири — найдется не более ста слов, нуждающихся в переводе. К ним принадлежат слова: абие, аще, брение, буйи, вскую, ганание, гобзование, егда и т. п. В это число входят и иностранные слова, оставшиеся в церковно-славянском языке без перевода: онагр, скимен, скрания и т. д.

С другой стороны, если мы обратимся к литературному русскому языку, то увидим также, что литературный русский язык представляет неразделимое сочетание элементов русского наречия с элементами церковно-славянскими. «Говорить о русском языке, как о языке отдельном от церковно-славянского, — никак нельзя» (Буслаев. Ист. граммат., § 17).

Если обратимся к народной поэзии, то и здесь мы найдем немало общего с элементами церковно-славянскими, например, в формах кратких прилагательных: злат, бел, горюч, в употреблении звательного падежа: батюшко, в формах вспомогательного глагола: ах ты, гой еси, гой есте, бысть (бысть без памяти), в местоименных формах: мене, ти, в церковно-славянской форме неопределенного наклонения: улыбатися, вытиратися, повытряхнути, крестьянствовати и т. д., в множестве слов, перешедших в народно-поэтическую речь из церкви, например: риза, един, возглаголет, добре, зде, паче и т. д.

Наша современная прозаическая речь буквально пересыпана корнями и формами церковно-славянских слов, например: м л е к о питающее, м л е ч н ы й п у т ь, п р о х л а д а, п р о з р а ч н ы й, д р е в е с и н а, д р е в е с н ы й, ж и в о т н о е. Все эти слова взяты из церковно-славянских: млеко, древо, хлад, зрак, живот.

Славянские слова в русских и русские в славянских так переплелись и образовали вместе «великий, могучий, правдивый, свободный русский язык», что говорить: церковно-славянский язык чужой для нас, — невозможно.

Является ли церковно-славянский язык мертвым, на котором не подобает служить Живому Богу? — Нет. Говорят, что церковно-славянский язык должен считаться мертвым потому, что нет ни одного народа, который говорил бы на нем.

Действительно, на нем не говорит ни один славянский народ, но зато на нем все многомиллионное славянство говорит с Богом, молится, а молитва есть живое общение человека с Богом... Поэтому никак нельзя назвать церковно-славянский язык мертвым. Воздыхание и слезы, которые исторгают слова этого языка из души человека, свидетельствуют о жизни языка, а не о его смерти. Каждый из нас знает, какое действие производят на падшую душу человеческую церковно-славянские слова: «душе моя, душе моя, востани, что спиши? конец приближается и имаши смутиться».

Песнопения Страстной седмицы и Пасхи не звучат ли для нас необыкновенной силой мысли и чувства?

Церковно-славянские песнопения живы и живительны. Они не только живых членов Церкви связуют воедино, но и тех, которые уже умерли для земной жизни. Наши близкие, дорогие умершие предки и наши святые угодники земли русской преп. Антоний и Феодосий, преп. Сергей, преп. Серафим Саровский, свв. угодники земли Сербской: св. Савва, преп. Параскева, св. чудотворцы Болгарские, например, преп. Иоанн Рыльский и множество других православных славянских святых от свв. Кирилла и Мефодия молились на этом же церковно-славянском языке и теми же словами, какими и мы теперь молимся. Этой традицией мы бесконечно дорожим.

Определяя жизнь или смерть языка, надо не забывать, что слово есть выражение мысли. Без идеи слово — пустое звучание. Если церковно-славянский язык вызывает мысли, будит чувства, значит он живет, а мы уже знаем на опыте, что он и вызывает мысли и будит чувства.

Нечего указывать, что в церковно-славянском языке много непонятных слов. Непонятных слов и выражений сколько угодно и в современ-

ном русском языке, недаром в одном из современных нам журналов заведен отдел: «Почему мы так говорим? например: «турусы на колесах», «бить баклуши», «разорить до тла», «попасть впросак», «нести ахинею» и т. д.

И современную речь и книгу каждый из нас понимает в меру своего развития и образования. Недаром для изучения доклада или речи устраиваются кружки, где эта речь прорабатывается для полного усвоения содержания слушателями.

Отсюда первая задача по отношению к церковно-славянскому языку: просвещать сознание верующих. Церковные слова будут оживать в слухе и разуме молящихся по мере того, как будет возвышаться религиозное просвещение народных масс. Кроме того, для оживления церковных глаголов требуется общенародное пение, живое участие народа в совершении богослужений; слово, исходящее из уст человека, живее и действеннее для сознания человека, чем то же слово, которое входит извне в слух его.

Сила слова — в мысли и чувстве, с ним соединяемых и им вызываемых. Слова сами по себе мертвы и немы, пока мы на них не отзываемся мыслью и чувством. Например, слово: Пасха. Это слово не наше, чужое. Многие затруднятся перевести его, но с ним соединяется масса радостных чувств и определенных идей, которые определяются словами: пасхальные мысли, пасхальные чувства. При таком отношении к слову, нам становится безразличным: русское ли оно, славянское ли оно, или греческое: оно — наше и уничтожению из употребления не подлежит.

Когда указывают на устарелые славянские выражения: «трость изречения», «телесе озлобления» и т. д. в качестве доказательства мертвенности церковно-славянского языка, то что можно сказать, когда, открывая книги, написанные нашими современниками, мы прочтем такие выражения: «Как нерожденных чад зачатки сверлим себе для крика горла пять пальцев, пять лучей в перчатке звезда над елкой простерла». (Пастернак. «Новый мир» № 1/2—1946 г.). Таких примеров можно привести бесчисленное множество. Вот речь, написанная русскими словами и совершенно непонятная.

Церковно-славянский язык чрезвычайно подходит к стилю православного богослужения. Что такое стиль? Стиль есть подчиненная внешней формы внутренней идее, выражаемой этим внешним.

Богослужение — это целое (синтез), элементы которого: чтение, пение, архитектура, иконопись, язык и т. д. служат одной цели — гармонии богослужения. Только с точки зрения соответствия цели православного богослужения в храме должно рассматривать эти элементы, например: в архитектуре церквей мы найдем много лишнего, странного и непонятного. Здесь все не так, как в жилищах для людей, но церковь есть дом Божий, а не жилище человеческое; в ней все подчинено идее Богопочитания и при свете этой идеи мы понимаем, что так и должно быть в архитектуре церкви.

Церковная иконопись — не обычная живопись: в ней много условного, символического и непонятного, опять-таки потому, что она преследует иные цели, чем светская живопись.

Церковная утварь тоже необычна и даже название утвари, придуманные другие, например: не посуда, а сосуды. Здесь, в церкви, стол называется престол, стул — седалище и т. д.

А напевы церковные? Гласовые — напевы церковные, они резко различаются от светских, мирских напевов. Русский народ создал для

отличия их два слова: песня и песнь. К сожалению, современные композиторы и регенты не всегда понимают это существенное различие.

Святейший Патриарх Алексий в послании к настоятелям гор. Москвы пишет: «Святыми отцами, установившими не только богослужебный чин в храмах, но и их внешний вид и внутреннее устройство, все было продумано, все предусмотрено и устроено для создания особого настроения молящихся, дабы ничто в храме не оскорбляло ни слуха, ни взора и дабы ничто не отвлекало от устремления к небу и к Богу, к миру горнему, отображением которого должен являться храм Божий».

Отсюда ясно, что и наш язык в богослужении должен отличаться от обычного, которым мы говорим дома, на улице, на базаре. Как необычна в храме архитектура, живопись, утварь, напевы, так и язык, на котором возносятся к Богу молитвы, должен быть необычен. Святейший Патриарх Алексий пишет: «Если в просьбах наших к людям, от которых мы ожидаем получить то или иное, мы выдерживаем нужный, часто почтительный и во всяком случае серьезный тон, то почему в прошениях наших к Господу мы дерзаем брать тон дерзновенных и легкомысленных театральных излияний, исключаяющих всякое благоговение?»

Язык богослужебный должен быть в стиле богослужения. В теории словесности всегда различаются язык и стиль. Под стилем разумеется язык, состоящий из подобранных слов, находящихся в гармонической связи с выражаемой при помощи их идеи, он должен быть в согласии с личностью автора и с особенностями данного времени и народа. Имеются различные стили: есть стиль сказки, есть стиль былин, есть стиль духовных стихов, есть стиль церковного пения. Церковно-славянский язык образует для молитв и песнопений возвышенный стиль. В этом отношении церковно-славянский язык является неисчерпаемым сокровищем.

Все наши великие поэты и художники, когда обращались к творчеству на церковные темы, всегда пользовались церковно-славянским языком. Так поступил гениальный поэт А. С. Пушкин в стихотворениях: «Пророк» и «Великопостная молитва». Эти два произведения написаны А. С. Пушкиным почти сплошь церковно-славянскими словами. Значит А. С. Пушкин считал, что иначе писать не следует. Отношение Пушкина к церковно-славянскому языку — урок для всех сторонников переложения церковно-славянского языка на современный русский. «Речь церковно-славянская возбуждает в русских некоторое благоговение уже самыми своими звуками, хотя понятными, но отличными от ежедневного говора, составляет приличное дополнение торжественности нашей церковной службы (Буслаев. Истор. граммат. I, § 17).

М. В. Ломоносов давал высокую оценку церковно-славянскому языку и относил его к высокому стилю. Основная мысль М. В. Ломоносова, что идеи горнего порядка должны выражаться и языком горним, возвышенным, а о вещах житейской суеты следует говорить языком дольным, — психологически верна.

Вот пример, как одна и та же вещь звучит в славянском и в современном русском языке. Всем известен ирмос: «Крест начертав Мойсей»... В точном русском переводе, изданном в 1914 г. Св. Синодом, он изложен так: «Мойсей, начертав жезлом продольную надпись Креста, разделил Чермное море так, что Израиль прошел по нем пешком; ударив же море поперек, против Фараоновых колесниц, он изобразил непобедимое оружие (т. е. Крест) и вновь соединил море. Поэтому, запоем Христу Богу нашему, ибо Он прославился». В этом переводе все понятно, но одобрит ли кто из православных людей употребление этого

перевода за богослужением с точки зрения богослужебного стиля? — На славянском языке: «Крест начертав» — поэзия, — в русском переводе — сухая проза. Там — стильный богослужебный язык, здесь — его нет и в помине. Позволим себе привести еще один пример: стихирю на «Слава и ныне» в Великий Пяток: «Страшное и преславное таинство днесь действуемо зрится: неосязаемый — удерживается, вяжется разрешающей Адама от клятвы; в темнице затворяется, иже бездну затворивый; Пилату предстоит, Емуже трепетом предстоят небесные силы; заушается рукую создания — Создатель; на древо осуждается — судий живым и мертвым; во гробе заключается — разоритель ада. Иже вся терпий милосердно и всех спасый от клятвы, незлобие Господи, слава Тебе».

Какая глубина мысли и чувства! Какая высокая художественная речь! Какие контрасты, антитезы, противоположения, они так и врезаются в сознание: «неосязаемый — удерживается, вяжется — разрешающей Адама от клятвы...»

Итак, те обвинения, которые выдвигаются против церковно-славянского языка, как непонятного, значительно преувеличены. Утверждения, что язык церковно-славянский — чужой и мертвый, несправедливы.

Напротив, достоинства церковно-славянского языка так велики, что наша задача состоит в том, чтобы сохранить этот великий язык, на котором были построены христианское мирозерцание и жизнь всех славянских православных народов. В области религиозных идей, для выражения высоких религиозных идей и чувств церковно-славянский язык незаменим. Все русские люди, которым дороги славянские братство и единство всех славян, всегда стояли за сохранение общего всем славянского языка. Общий язык объединяет славян. Не потому ли поляки и хорваты часто забывают о своем славянстве и отпадают от славянского единства, что перестали говорить и молиться на языке свв. Кирилла и Мефодия? — Не обязаны ли сохранением православия и славянских идей сербы и карпатороссы, которые при самых тяжелых обстоятельствах жизни, в течение ряда веков угнетаемые турками, венграми, сохранили православие и славянское единство, благодаря употреблению церковно-славянского языка — языка свв. братьев просветителей славянства Кирилла и Мефодия.

Л. ПАРИЙСКИЙ

ИЗ ЖИЗНИ НАШИХ ЕПАРХИЙ

ИЗ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО МИТРОПОЛИЧЬЕГО ОКРУГА

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО АРХИЕПИСКОПА НЕСТОРА, УПРАВЛЯЮЩЕГО ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОЙ МИТРОПОЛИЕЙ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Радостно гремит над всем миром этот чудесный пасхальный привет из уст всех народов христиан на всех языках вселенной. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Звучным эхом отзываются эти светлые слова, полные духовного восторга в сердцах всех верующих. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Посылаем мы наш сыновний пасхальный привет тебе, дорогая наша Отчизна.

Мы любуемся и восхищаемся твоей славой, достойно увенчавшей тебя громкими и великими победами в минувшую войну.

Любимая наша Родина! Мы целуем твой хитон, — землю нашу родную, и благословляем нашей молитвой. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Святейший наш Отец и Патриарх Алексий, народный великий Пастырь, Печальник своей паствы и соучастник с нею в скорбях и лишениях в период Отечественной войны, герой духа в подвигах своих среди народа осажденного Ленинграда, прими наш смиренный пасхальный привет с Дальнего Востока и благослови нас. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Все наши собратья Архипастыри, пастыри и чада духовные ближние и дальние, Богом данная наша паства Восточно-Азиатской Митрополии. Радостно приветствую всех вас с Светлым Христовым Воскресением. На пути каждого в вашей жизни да будет милость и помощь вам от Господа. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Приветствуем и тех, которые не знают нас, но мы знаем вас и любим братской любовью, восхищаясь великими Вашими подвигами, и победами и славными делами, возвеличивающими наше славное Отечество.

Сердце наше расположено к вам искренне и ласково.

Пасха — праздник любви и светлой радости, праздник победы жизни над смертью.

Пасха — великий день всепрощения.

Пасха красная, Пасха Господня.

Друг друга обьемем и ненавидящим нас простим вся Воскресением и радостно восклицаем:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ВОИСТИНУ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

**АРХИЕПИСКОП НЕСТОР,
УПРАВЛЯЮЩИЙ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОЙ МИТРОПОЛИЕЙ**

ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ЕПАРХИИ

ПРОТОКОЛ

общего собрания верующих Св. Николаевского молитвенного дома
Верховецкого поссовета, Криничанского р-на, Днепропетровской обл.,
состоявшегося 5 мая 1946 г.

Присутствовало 247 человек

СЛУШАЛИ:

Об оказанной материальной помощи на организацию прихода Преосвященнейшим Андреем, Архиепископом Днепропетровским.

ПОСТАНОВИЛИ:

За оказание нашей общине в трудную минуту организации прихода денежной помощи в сумме 6000 руб. вынести глубокую нашу благодарность нашему дорогому Владыке и Отцу Высокопреосвященнейшему Андрею, архиепископу Днепропетровскому и Запорожскому.

Почтительнейше просить редакцию «Журнала Московской Патриархий» напечатать настоящее постановление на страницах журнала, дабы истинно архипастырская забота нашего владыки не только стала достоянием всех читателей журнала, но и нашла бы подражателей со стороны других наших православных Преосвященных.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ — СВЯЩ. ТОЛОКОВ
СЕКРЕТАРЬ СОБРАНИЯ — ПРОХОРОВ
ЦЕРКОВН. СТАРОСТА — СОРОКА
КАЗНАЧЕЙ — ОРЛОВ

ИЗ ХЕРСОНСКОЙ ЕПАРХИИ

9 мая 1946 г., день первой годовщины Победы над врагом всего прогрессивного человечества — германским фашизмом, останется надолго в памяти прихожан Семеновской церкви г. Николаева, Николаевской области.

Накануне праздника Победы, 8 мая, в этом храме Преосвященным Михаилом, епископом Херсонским и Николаевским, при соборном участии духовенства г. Николаева и районных сел областей было совершено всенощное бдение, а в самый праздник — Божественная Литургия. Пел хор, составленный из соединенных хоров городских церквей г. Николаева под управлением регента Касперовского Кафедрального собора. Обширный храм был переполнен молящимися, которые пришли в эти дни в свой храм, чтобы вместе с Архипастырем своим и пастырем вознести Господу свои благодарственные молитвы о даровании Победы нашей Родине и сердечно помолиться об упокоении душ всех усопших, живот свой положивших в Отечественную войну за спасение и славу нашего дорогого Отечества.

Торжественность богослужения, прекрасное исполнение хором церковных песнопений, участие в общем церковном пении всех молящихся, при молитвенном воспоминании всех дорогих защитников Родины, детей и отцов наших, — все это создавало высокое молитвенное настроение.

В конце Литургии Преосвященным Михаилом было сказано прочувствованное слово о великом значении для нас праздника Победы, как результата победы над врагом нашей доблестной и победоносной Красной Армии. Эта Победа есть дар Божий, она побуждает нас благодарить Господа за Его милости к нам и свято хранить память всех павших на поле брани защитников Родины.

После Литургии духовенство и молящиеся при колокольном трезвоне в преднесении церковных хоругвей направились к могилам в церковной ограде, куда перенесены тела 6 бойцов Красной Армии, погибших за освобождение г. Николаева 28 марта 1944 г.

Перед началом панихиды настоятелем церкви протоиереем Виктором Грисенко было сказано слово на тему: «Нет выше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ио. 15, 13).

Почившие на поле брани и погребенные здесь дети наши своею смертью на поле брани, смертью храбрых, проявили свою любовь к Родине, преданность и послушание Вождю нашего Отечества, Генералиссимусу Советского Союза, Иосифу Виссарионовичу Сталину, по зову которого они встали на защиту Отечества нашего и всю грудью выступили против ужасного врага нашего германского фашизма. Да будет же вечно жить в наших сердцах любовь к защитникам нашим; их геройские поступки на поле брани да будут служить нам постоянно примером, как надо любить свою Родину, как надо быть готовым всегда, чтобы в целости сохранить то священное достояние, которое кровию своею приобрели наши дорогие предки и передали его нам»...

После окончания панихиды, при том же многочисленном стечении молящихся в храме, был отслужен благодарственный молебен за дарованную Победу нашему Отечеству с провозглашением «Многая лета» нашему доблестному, победоносному воинству, Верховному Вождю его, Святейшему Патриарху Алексию, Экзарху Украины Высокопреосвященному епископу нашему Михаилу и всем православным христианам.

Молящиеся после сего долгое время подходили ко Св. кресту и под благословение Преосвященного епископа Михаила, высказывая ему свою сердечную благодарность за доставленное высокое религиозное утешение в праздник Победы.

ПРОТОИЕРЕИ В. ГРИСЕНКО

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Церковная жизнь

<i>Митрополит Григорий. Путешествие Святейшего Патриарха Алексия в Болгарию</i>	3
---	---

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай. Радость</i>	20
<i>Митрополит Григорий. Слово в неделю Апостола Фомы</i>	24

Статьи

<i>Н. В. Праздник Победы</i>	26
<i>Н. Васильева. Вознесение</i>	29
<i>Никита Волнянский. Великая общерусская святыня (окончание)</i>	33
<i>Н. Сергеев. Мастер древнерусской иконописи — Дионисий</i>	40
<i>Архиепископ Дмитрий Градусов. Гордость Рязани — Митрополит Стефан Яворский</i>	45
<i>Л. Парийский. О церковно-славянском языке в русском православном богослужении</i>	54

Из жизни наших епархий

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции «Журнала Московской Патриархии» протонерею А. П. Смирнову — Москва, 34. Чистый пер., 5, Редакция «Журнала Московской Патриархии».

ОТ СОВЕТА ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА

УСЛОВИЯ ПРИЕМА УЧАЩИХСЯ НА 1946—1947 УЧЕБНЫЙ ГОД

1. Совет Православного Богословского Института объявляет прием учащихся на 1946—1947 учебный год в начальную, среднюю и высшую богословские школы.

2. В состав учащихся богословских школ принимаются лица православного вероисповедания, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

3. Для поступления в 1 класс начальной богословской школы необходимо иметь общеобразовательную подготовку не ниже 7 классов или соответствующее домашнее образование и знать: начальные молитвы: «Царю Небесный», «Святыи Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш»; утреннюю молитву «К Тебе, Владыко, Человеколюбче»; вечернюю молитву «Господи Боже наш»; молитвы Божией Матери: «Богородице, Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной воеводе», молитву Ангелю Хранителю; молитву Ефрема Сирина; молитвы перед причащением; Символ веры; Заповеди Моисея; Заповеди блаженства. Кроме того, требуется хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски. Все эти требования входят в программу испытаний.

4. Начальная богословская школа с двухлетним курсом обучения готовит псаломщиков и диаконов и в то же время служит необходимой ступенью для лиц, желающих поступить в среднюю богословско-пастырскую школу.

5. Для поступления в 1 класс средней богословско-пастырской школы необходимо сдать испытания по следующей программе: 1) Библейская история, 2) Катехизис, 3) Церковный устав, 4) краткая Общая церковная история, 5) краткая Русская церковная история, 6) Церковнославянский и русский язык и 7) Церковное пение.

6. В высшую богословскую школу принимаются лица с общеобразовательной подготовкой в объеме десятилетки (или с соответствующим домашним образованием), а также окончившие светские высшие учебные заведения. Все поступающие на 1 курс высшей богословской школы должны сдать испытания за полный курс средней богословско-пастырской школы по следующей программе: 1) Священное Писание Ветхого Завета, 2) Священное Писание Нового Завета, 3) Догматическое богословие, 4) Нравственное богословие, 5) Основное богословие, 6) Литургика, 7) История Христианской Церкви, 8) История Русской Церкви, 9) Гомилетика, 10) Сравнительное богословие,

11) История и обличение раскола и сектантства, 12) Практическое руководство для пастырей, 13) Конституция СССР.

7. Желающие поступить в начальную, среднюю или высшую духовные школы должны представить следующие документы: 1) прошение на имя ректора; 2) заполненную анкету (образец см. ниже); 3) документ о возрасте; 4) документ об образовании; 5) справку от врача о состоянии здоровья; 6) справку о семейном положении; 7) автобиографию; 8) рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея.

8. Документы принимаются до 15 августа с. г. по адресу: Москва, 48. Бол. Пироговская ул., 2 (Новодевичий монастырь), канцелярия Богословского Института.

9. Приемные испытания будут производиться с 1 по 15 сентября. Начало занятий с 1 октября.

10. Для иногородних предоставляется общежитие.

11. Всем учащимся выдается стипендия с первого месяца занятий.

12. Занятия дневные, с 9 часов утра.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ

1. Фамилия, имя и отчество
2. Год рождения
3. Социальное положение
4. Образование
5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым, не был ли разведен (подчеркнуть)
6. Есть ли дети и их возраст
7. Отношение к воинской повинности
8. Домашний адрес
- Дата заполнения анкеты
- Подпись : : :

РЕКТОР ИНСТИТУТА

ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕИ Т. Д. ПОПОВ

СЕКРЕТАРЬ ДОЦЕНТ А. В. ВЕДЕРНИКОВ

Цена 10 руб.

Price 50 cents.